

Карл Маркс 18 брюмера Луи Бонапарта

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1869 ГОДА

Мой преждевременно скончавшийся друг Иосиф Вейдемейер [Во время Гражданской войны в Америке занимал пост военного начальника округа Сент-Луис. (Примечание Маркса.)] собирался издавать в Нью-Йорке с 1 января 1852 г. политический еженедельник. Он попросил меня написать для этого издания историю *coup d'etat*. В соответствии с этой просьбой я писал для него еженедельно до середины февраля статьи под заглавием: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Тем временем первоначальный план Вейдемейера потерпел неудачу. Вместо этого он весной 1852 г. начал издавать ежемесячный журнал «Die Revolution», первый выпуск которого и состоит из моего «Восемнадцатого брюмера». Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тогда в Германию, не поступив, однако, на настоящий книжный рынок. Один корчивший из себя крайнего радикала немецкий книготорговец, которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, с неподдельным моральным ужасом отверг такую «несвоевременную затею».

Из сказанного видно, что предлагаемое сочинение возникло под непосредственным впечатлением событий и что его исторический материал не выходит за пределы февраля (1852 года). Настоящее его переиздание вызвано отчасти спросом на книжном рынке, отчасти настояниями моих друзей в Германии.

Из сочинений, которые появились почти одновременно с моим и посвящены тому же вопросу, заслуживают внимания только два: «Наполеон Малый» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона.

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него, как гром среди ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Он не замечает, что изображает эту личность великой вместо малой, приписывая ей беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы. Прудон, со своей стороны, стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков. Я, напротив, показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя.

Переработка предлагаемого сочинения лишила бы его своеобразной окраски. Поэтому я ограничился только исправлением опечаток и устранением ставших сейчас уже непонятными намеков.

Заключительные слова моего сочинения: «Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны» — уже сбылись.

Полковник Шаррас открыл атаку на культ Наполеона в своем сочинении о походе 1815 года. С тех пор, и особенно в последние годы, французская литература с помощью оружия исторического исследования, критики, сатиры и юмора навсегда покончила с наполеоновской легендой. За пределами Франции этот резкий разрыв с традиционной народной верой, эта огромная духовная революция, мало обратила на себя внимания и еще меньше была понята.

В заключение выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — школярской фразы о так называемом цезаризме. При этой поверхностной исторической аналогии забывают самое главное, а именно, что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная

производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, могут иметь между собой не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил.

Лондон, 23 июня 1869 г. Карл Маркс

Печатается по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 374–376

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1885 ГОДА

Потребность в новом издании «Восемнадцатого брюмера» спустя тридцать три года после его первого появления доказывает, что это произведение до сих пор несколько не утратило своего значения.

И действительно, это был гениальный труд. Непосредственно после события, которое точно гром среди ясного неба поразило весь политический мир, которое одни проклинали с громкими криками нравственного негодования, а другие принимали как спасение от революции и как кару за ее заблуждения, события, которое, однако, у всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, эпиграмматическим произведением, в котором изложил весь ход французской истории со времени февральских дней в его внутренней связи и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой связи, причем для этого ему вовсе не понадобилось относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. Картина была нарисована Марксом с таким мастерством, что каждое сделанное впоследствии новое разоблачение доставляло только новые доказательства того, как верно была отражена в ней действительность. Такое превосходное понимание живой истории современности, такое ясное проникновение в смысл событий в тот самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно.

Но для этого требовались такое глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии тоже выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна. Вот почему Маркс с особым предпочтением изучал не только прошлую историю Франции, но и следил во всех деталях за ее текущей историей, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставляли его врасплох.

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории французской Второй республики. На этой истории он в данной работе проверил правильность открытого им закона, и даже спустя тридцать три года все еще следует

признать, что это испытание дало блестящие результаты.

Ф.Энгельс

Часть I

Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, па этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюме Римской республики, то в костюме Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793–1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили произраставшие на его почве феодальные головы. Другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы в той мере, в какой это было необходимо, чтобы создать для буржуазного общества во Франции соответствующее, отвечающее потребностям времени окружение на европейском континенте. Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бонжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созиданием богатства и мирной конкурентной борьбой, оно уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей

буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак.

В 1848–1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого *republicain en gants jaunes*, переодетого в костюм старого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы. Нация чувствует себя так же, как тот рехнувшийся англичанин в Бедламе, который мнил себя современником древних фараонов и ежедневно горько жаловался на тяжкий труд рудокопа, который он должен выполнять в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, куда он заточен, при свете тусклой лампы, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика за рабами с длинным бичом в руке и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжников-рудокопов, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. «И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту», — вздыхает рехнувшийся англичанин, — «чтобы добывать золото для древних фараонов». «Чтобы платить долги семейства Бонапарта», — вздыхает французская нация. Англичанин, пока он находился в здравом уме, не мог отделаться от навязчивой идеи добывания золота. Французы, пока они занимались революцией, не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне, как это доказали выборы 10 декабря. От опасностей революции их потянуло назад к египетским котлам с мясом, — и ответом явилось 2 декабря 1851 года. Они получили не только карикатуру на старого Наполеона, — они получили самого старого Наполеона в карикатурном виде, получили его таким, каким он должен выглядеть в середине XIX века.

Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы.

Февральская революция была неожиданностью для старого общества, она застигла его врасплох, и народ провозгласил этот внезапный удар всемирно-историческим событием, открывающим новую эру. 2 декабря февральская революция исчезает в руках ловкого шулера, и в результате уничтоженной оказывается уже не монархия, а те либеральные уступки, которые были отвоеваны у нее вековой борьбой. Вместо того чтобы само общество завоевало себе новое содержание, лишь государство как бы оказывается возвращенным к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и рясы. На февральский *coup de main* 1848 года отвечает декабрьский *coup de tete* 1851 года. Как нажито, так и прожито. Однако протекшее между этими событиями время не прошло даром. В течение 1848–1851 гг. французское общество усвоило, — по способу сокращенному, потому что он был революционным, — уроки и опыт, которые при правильном, так сказать методическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, будь она чем-то более серьезным, чем простое сотрясение поверхности. Кажется, что общество очутилось теперь позади своего исходного пункта, на самом же деле ему

приходится еще только создавать себе исходный пункт для революции, создавать положение, отношения, условия, при которых современная революция только и может принять серьезный характер.

Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Hie Rhodus, hie salta!
Здесь роза, здесь танцуй!

Впрочем, всякий мало-мальски наблюдательный человек, даже и не следивший шаг за шагом за развитием событий во Франции, должен был предчувствовать, что этой революции предстоит неслыханный позор. Достаточно было послушать самодовольное победное тьяканье господ демократов, поздравлявших друг друга с благодатными последствиями, ожидаемыми от второго воскресенья мая 1852 года. Второе воскресенье мая 1852 г. стало в их головах навязчивой идеей, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства у хилиастов. Слабость всегда спасалась верой в чудеса; она считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении посредством заклинаний, и утрачивала всякое чувство реальности из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но сообщать о которых она считает пока преждевременным. Эти герои, старающиеся опровергнуть мнение о своей явной бездарности тем, что они взаимно выражают друг другу свое сочувствие и сплачиваются в особую группу, уже собрали свои пожитки и, захватив авансом свои лавровые венки, как раз собирались учсть на бирже свои республики *in parlibus*, правительственный персонал для которых втихомолку, со свойственной им невзыскательностью, был уже ими предусмотрительно организован. 2 декабря поразило их, как удар грома среди ясного неба. И народы, которые в периоды малодушия охотно дают заглушить свой внутренний страх самым громким крикунам, на этот раз, быть может, убедились в том, что прошли те времена, когда гоготание гусей могло спасти Капитолий.

Конституция, Национальное собрание, династические партии, синие и красные республиканцы, африканские герои, гром трибуны, зарницы прессы, вся литература, политические имена и ученые репутации, гражданский закон и уголовное право, *liberte, egalite, fraternite* и второе воскресенье мая 1852 г. — все исчезло, как фантазмагория, перед магической формулой человека, которого даже его враги не считают чародеем. Всеобщее избирательное право, казалось, продержалось еще одно мгновение только для того, чтобы перед глазами всего мира составить собственноручно свое завещание и заявить от имени самого народа: «Все, что возникает, достойно гибели».

Недостаточно сказать, по примеру французов, что их нация была застигнута врасплох. Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют. Ведь надо еще объяснить, каким образом три проходимца

могут застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 36-миллионную нацию.

Резюмируем в общих чертах фазы, через которые прошла французская революция от 24 февраля 1848 до декабря 1851 года.

Вот три несомненных главных периода: февральский период; от 4 мая 1848 до 28 мая 1849 г. — период учреждения республики, или Учредительного национального собрания; от 28 мая 1849 до 2 декабря 1851 г. — период конституционной республики, или Законодательного национального собрания.

Первый период, от 24 февраля, т. е. от падения Луи-Филиппа, до 4 мая 1848 г., т. е. до открытия заседаний Учредительного собрания, — февральский период в собственном смысле слова, — можно назвать прологом революции. Характер этого периода выразился официально в том, что созданное им экспромтом правительство само объявило себя временным. Подобно правительству, все, что было предпринято, испробовано и высказано в этот период, выдавало себя лишь за нечто временное. Никто и ничто не дерзало признать за собой право на постоянное существование и на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собой революцию: династическая оппозиция, республиканская буржуазия, демократическо-республиканская мелкая буржуазия, социалистическо-демократические рабочие — все эти элементы временно получили место в февральском правительстве.

Иначе и быть не могло. Февральские дни первоначально имели целью добиться избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных внутри самих имущих классов и свергла бы исключительное господство финансовой аристократии. Но когда дело дошло до действительного столкновения, когда народ поднялся на баррикады, когда национальная гвардия заняла позицию пассивного выжидания, армия не оказала серьезного сопротивления и монархия была обращена в бегство, то учреждение республики стало подразумеваться как бы само собой. Каждая партия истолковывала ее по-своему. Пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, наложил на нее свою печать и провозгласил ее социальной республикой. Так намечено было общее содержание современной революции — содержание, находившееся в самом удивительном противоречии со всем тем, что возможно было осуществить сразу, непосредственно, из данного материала, на достигнутой массой ступени развития, при данных обстоятельствах и условиях. С другой стороны, притязания всех остальных элементов, содействовавших успеху февральской революции, были удовлетворены предоставлением им львиной доли в правительстве. Вот почему ни в каком другом периоде нельзя найти более пестрой смеси напыщенных фраз и фактической неуверенности и беспомощности, более восторженного стремления к новшествам и более прочного господства старой рутины, более обманчивой видимости гармонии общества в целом и более глубокой отчужденности его элементов. В то время как парижский пролетариат еще был в упоении от открывшейся ему великой перспективы и всерьез предавался дискуссиям по социальным проблемам, старые общественные силы сгруппировались, сомкнулись, опомнились и нашли неожиданную опору в массе нации — в крестьянах и мелких буржуа, устремившихся разом на политическую сцену, после того как пали преграды, существовавшие при Июльской монархии.

Второй период — от 4 мая 1848 до конца мая 1849 г. — это период учреждения, основания буржуазной республики. Непосредственно после февральских дней не только династическая оппозиция была застигнута врасплох республиканцами, а республиканцы — социалистами, но и вся Франция была застигнута врасплох Парижем. Открывшее свои заседания 4 мая 1848 г. Национальное собрание, которое было избрано нацией, представляло нацию. Это Собрание было живым протестом против требований февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазных масштабов. Тщетно пытался парижский пролетариат, сразу разгадавший характер этого Национального собрания, через несколько дней после его открытия, 15 мая, силой прекратить его существование, разогнать его, снова разложить на составные части органическую форму, в которой ему угрожал оказывающий противодействие дух нации. День 15 мая, как известно, привел лишь к

удалению с общественной арены, на все время рассматриваемого нами цикла, Бланки и его единомышленников, т. е. действительных вождей пролетарской партии.

За буржуазной монархией Луи-Филиппа может следовать только буржуазная республика, т. е. если, прикрываясь именем короля, господствовала небольшая часть буржуазии, то отныне будет господствовать, прикрываясь именем народа, вся буржуазия в целом. Требования парижского пролетариата, это — вздорные утопии, которым надо положить конец. На это заявление Учредительного национального собрания парижский пролетариат ответил июньским восстанием, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн. Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя. После победы над ним свыше трех тысяч повстанцев было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда. Со времени этого поражения пролетариат отходит на задний план революционной сцены. Он снова пытается пробиться вперед каждый раз, когда кажется, что в движении наступил новый подъем, но эти попытки становятся все слабее и приносят все более ничтожные результаты. Как только какой-нибудь из стоящих выше него общественных слоев приходит в революционное брожение, пролетариат вступает с ним в союз и таким образом разделяет все поражения, последовательно претерпеваемые различными партиями. Но эти последующие удары становятся все слабее по мере того, как они распределяются по все большей поверхности общества. Более выдающиеся вожди пролетариата в Собрании и в прессе один за другим делаются жертвой суда, и их место занимают все более сомнительные личности. Часть пролетариата пускается на доктринерские эксперименты, создание меновых банков и рабочих ассоциаций — другими словами, в такое движение, в котором он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире, пользуясь совокупностью заложенных в самом старом мире могучих средств, а пытается осуществить свое освобождение за спиной общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования и потому неизбежно терпит неудачу. Пролетариат, по-видимому, не в состоянии ни обрести свое прежнее революционное величие в самом себе, ни почерпнуть новую энергию из вновь заключенных союзов, пока все классы, с которыми он боролся в июне, не будут так же повергнуты, как и он сам. Но пролетариат, по крайней мере, пал с честью, достойной великой всемирно-исторической борьбы; не только Франция — вся Европа дрожит от июньского землетрясения, между тем как последующие поражения вышестоящих классов покупаются такой дешевой ценой, что побеждающей партии приходится прибегать к наглым преувеличениям, чтобы вообще придать им характер событий, причем эти поражения становятся тем позорнее, чем дальше побежденная партия отстоит от пролетарской.

Поражение июньских повстанцев, правда, подготовило, расчистило почву, на которой могло быть возведено здание буржуазной республики, но в то же время оно показало, что в Европе дело идет не о споре на тему: «республика или монархия», а о чем-то другом. Это поражение обнаружило, что буржуазная республика означает здесь неограниченное деспотическое господство одного класса над другими. Оно показало, что в странах старой цивилизации с развитым разделением на классы, с современными условиями производства и с духовным сознанием, в котором благодаря вековой работе растворились все унаследованные по традиции идеи, что в таких странах республика означает вообще только политическую форму революционного преобразования буржуазного общества, а не консервативную форму его существования, как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, где классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу, где современные средства производства не только не сочетаются с хроническим перенаселением, а, наоборот, восполняют относительный недостаток в головах и руках и где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства,

которое должно освоить новый мир, не дало ни времени, ни случая покончить со старым миром призраков.

Все классы и партии во время июньских дней сплотились в партию порядка против класса пролетариев — партии анархии, социализма, коммунизма. Они «спасли» общество от «врагов общества». Они избрали паролем для своих войск девиз старого общества: «Собственность, семья, религия, порядок», и ободряли контрреволюционных крестоносцев словами: «Сим победиши!» Начиная с этого момента, как только одна из многочисленных партий, сплотившихся под этим знаменем против июньских повстанцев, пытается в своих собственных классовых интересах удержаться на революционной арене, ей наносят поражение под лозунгом: «Собственность, семья, религия, порядок!» Общество оказывается спасенным каждый раз, когда суживается круг его повелителей, когда более узкие интересы одерживают верх над более общими интересами. Всякое требование самой простой буржуазной финансовой реформы, самого шаблонного либерализма, самого формального республиканизма, самого плоского демократизма одновременно наказывается как «покушение на общество» и клеймится как «социализм». Под конец самих верховных жрецов «религии и порядка» пинками сгоняют с их пифийских треножников, среди ночи стаскивают с постели, впахивают в арестантскую карету, бросают в тюрьму или отправляют в изгнание, их храм сравнивают с землей, им затыкают рот, ломают их перья, рвут их закон — во имя религии, собственности, семьи и порядка. Пьяные толпы солдат расстреливают стоящих на своих балконах буржуа — фанатиков порядка, оскверняют их семейную святыню, бомбардируют для забавы их дома — во имя собственности, семьи, религии и порядка. В довершение всего подонки буржуазного общества образуют священную фалангу порядка и герой Крапюлинский вступает в Тюильрийский дворец в качестве «спасителя общества».

Часть II

Вернемся к прерванной нити изложения.

История Учредительного национального собрания со времени июньских дней — это история господства и разложения республиканской фракции буржуазии, фракции, известной под названием трехцветных республиканцев, чистых республиканцев, политических республиканцев, формальных республиканцев и так далее.

Эта фракция составляла при буржуазной монархии Луи-Филиппа официальную республиканскую оппозицию и в силу этого была общепризнанной составной частью тогдашнего политического мира. Она имела своих представителей в палатах и пользовалась значительным влиянием в печати. Ее парижский орган «National» считался в своем роде столь же респектабельным, как «Journal des Debats». Этому ее положению при конституционной монархии соответствовал и ее характер. Она не была сплоченной какими-нибудь крупными общими интересами и обособленной специфическими условиями производства фракцией буржуазии. Это была клика, состоявшая из республикански настроенных буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников, влияние которой опиралось на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканские верования кучки мечтателей, а главное — на французский национализм, ненависти которого к Венским трактатам и к союзу с Англией она никогда не давала остыть. При Луи-Филиппе «National» был обязан присоединением к нему значительной части его сторонников тому скрытому империализму, который именно поэтому смог впоследствии, при республике, выступить в лице Луи Бонапарта против самого «National» как победоносный конкурент. Против финансовой аристократии «National» боролся, как и вся остальная буржуазная оппозиция. Полемика против бюджета, во Франции целиком совпадавшая с борьбой против финансовой аристократии, доставляла слишком дешевую популярность и слишком обильный материал для пуританских leading articles, чтобы ее не эксплуатировать. Промышленная буржуазия была благодарна «National» за его

холопскую защиту французской покровительственной системы, — защиту, с которой он, впрочем, выступил больше из национальных, чем из политико-экономических побуждений, вся же буржуазия в целом была благодарна ему за его злостные наветы на коммунизм и социализм. Впрочем, партия «National» была чисто республиканской, т. е. она требовала республиканской формы буржуазного господства вместо монархической и, прежде всего, для себя львиной доли участия в этом господстве. Об условиях этой политической перемены она имела самые смутные представления. Зато ей было ясно как божий день, — и на банкетах в пользу реформы к концу царствования Луи-Филиппа это явно обнаружилось, — что она непопулярна в среде демократических мелких буржуа, и особенно в среде революционного пролетариата. Эти чистые республиканцы, как и подобает чистым республиканцам, были уже совсем готовы для начала удовольствоваться регентством герцогини Орлеанской, когда вспыхнула февральская революция, доставившая их наиболее видным представителям места во временном правительстве. Они, разумеется, с самого начала располагали доверием буржуазии и большинством в Учредительном национальном собрании. Социалистические элементы временного правительства были тотчас же исключены из Исполнительной комиссии, образованной Национальным собранием после его открытия; а вспышкой июньского восстания партия «National» воспользовалась для того, чтобы дать отставку и самой Исполнительной комиссии и таким образом избавиться от своих ближайших соперников, от мелкобуржуазных, или демократических, республиканцев (Ледрю-Роллена и других). Кавеньяк, генерал буржуазно-республиканской партии, который командовал июньской бойней, занял место Исполнительной комиссии, получив своего рода диктаторскую власть. Марраст, бывший главный редактор «National», стал бессменным председателем Учредительного национального собрания; министерские портфели, как и все остальные важнейшие посты, достались чистым республиканцам.

Таким образом, действительность превзошла самые смелые ожидания фракции буржуазных республиканцев, издавна считавшей себя законной наследницей Июльской монархии. Но эта фракция достигла господства не так, как она мечтала при Луи-Филиппе, — не путем либерального бунта буржуазии против трона, а в результате разгромленного с помощью картечи восстания пролетариата против капитала. То, что представлялось ей самым революционным событием, в действительности оказалось самым контрреволюционным событием. Плод упал к ее ногам, но он упал с древа познания, а не с древа жизни.

Исключительное господство буржуазных республиканцев продолжалось лишь от 24 июня до 10 декабря 1848 года. Результаты его свелись к составлению республиканской конституции и объявлению Парижа на осадном положении.

Новая конституция была в сущности не более как республиканизированным изданием конституционной хартии 1830 года. Высокий избирательный ценз Июльской монархии, отстранявший от политической власти даже значительную часть самой буржуазии, был несовместим с существованием буржуазной республики. Февральская революция немедленно провозгласила вместо этого ценза прямое всеобщее избирательное право. Буржуазные республиканцы не могли вычеркнуть это событие. Им пришлось довольствоваться добавлением ограничительного пункта, в силу которого от избирателя требовалось 6-месячное проживание в той местности, где он выбирает. Старая организация управления, муниципалитетов, суда, армии и т. д. осталась нетронутой; кое-какие изменения, внесенные конституцией, касались не содержания, а оглавления, не вещей, а названий.

Свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, преподавания, совести и т. д. — непрменный генеральный штаб свобод 1848 г. — были облачены в конституционный мундир, делавший их неуязвимыми. Каждая из этих свобод провозглашается безусловным правом французского гражданина, но с неизменной оговоркой, что она безгранична лишь в той мере, в какой ее не ограничивают «равные права других и общественная безопасность» или «законы», которые именно и должны опосредствовать эту гармонию индивидуальных свобод друг с другом и с общественной безопасностью. Например: «Граждане имеют право

объединяться в союзы, организовывать мирные и невооруженные собрания, подавать петиции и высказывать свое мнение в печати и любым другим способом. Пользование этими правами не знает иных ограничений, кроме равных прав других и общественной безопасности». (Глава II французской конституции, статья 8.) — «Преподавание свободно. Свободой преподавания можно пользоваться на условиях, предусмотренных законом, и под верховным надзором государства». (Там же, статья 9.) — «Жилище каждого гражданина неприкосновенно. Неприкосновенность эта может быть нарушена лишь с соблюдением форм, предписанных законом». (Глава II, статья 3.) И так далее. — Поэтому конституция постоянно ссылается на будущие органические законы, которые должны дать подробное истолкование этим оговоркам и так урегулировать пользование этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. В дальнейшем эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия со стороны равных прав других классов. Там, где она совершенно отказала в этих свободах «другим» или позволила ими пользоваться при условиях, каждое из которых было полицейской ловушкой, это делалось всегда только в интересах «общественной безопасности», т. е. безопасности буржуазии, как это и предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию с полным правом ссылались обе стороны: как друзья порядка, упразднившие все эти свободы, так и демократы, требовавшие возврата всех этих свобод. Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке. Следовательно, пока имя свободы окружалось почетом и лишь ставились препятствия ее действительному осуществлению — разумеется, на законном основании, — до тех пор конституционное существование свободы оставалось невредимым, неприкосновенным, как бы основательно ни было уничтожено ее существование в повседневной действительности.

Эта конституция, сделанная неприкосновенной таким хитроумным способом, имела, однако, подобно Ахиллесу, одно уязвимое место, только этим местом была не пята, а голова или, лучше сказать, две ее головы, которыми увенчивалось все здание: Законодательное собрание, с одной стороны, и президент — с другой. Стоит только бегло ознакомиться с конституцией, чтобы увидеть, что лишь те статьи безусловны, носят позитивный характер, лишены противоречий, исключают всякие ложные толкования, в которых определяется отношение президента к Законодательному собранию. Тут для буржуазных республиканцев дело ведь шло о том, чтобы создать надежную позицию самим себе. Статьи 45–70 конституции так составлены, что Национальное собрание может устранить президента конституционным путем, тогда как президент может устранить Национальное собрание лишь неконституционным путем, лишь устраняя самое конституцию. Здесь, следовательно, конституция сама призывает к своему насильственному уничтожению. Конституция не только, подобно хартии 1830 г., канонизирует разделение властей, но и доводит это разделение до невыносимого противоречия. Игра конституционных сил, как Гизо называл парламентскую грызню между законодательной и исполнительной властью, по конституции 1848 г. ведется все время ва-банк. С одной стороны — 750 народных представителей, избранных всеобщим голосованием и пользующихся правом переизбрания, образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, неделимое Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью, окончательно решает вопросы о войне, мире и торговых договорах, одно лишь обладает правом амнистии и благодаря непрерывности своих заседаний постоянно остается на авансцене. С другой стороны — президент со всеми атрибутами королевской власти, с правом назначать и смещать своих министров независимо от Национального собрания, со всеми средствами исполнительной власти в руках, раздающий все должности и тем самым распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, так как именно такое количество лиц материально зависит от 500 тысяч чиновников и от офицеров всех рангов. Ему подчинены

все вооруженные силы. Он пользуется привилегией помилования отдельных преступников, роспуска частей национальной гвардии и смещения — с согласия Государственного совета — избранных самими гражданами генеральных, кантональных и муниципальных советов. Ему же предоставлены почин и руководящая роль при заключении всех договоров с иностранными державами. В то время как Собрание, оставаясь вечно на подмостках, становится объектом повседневной публичной критики, президент ведет скрытую от взоров жизнь на Елисейских полях, имея, однако, перед глазами и в сердце статью 45 конституции, ежедневно напоминающую ему: «*frere, il faut mourir!*» Твоя власть кончается на четвертом году твоего избрания, во второе воскресенье прекрасного месяца мая! Тогда конец твоему величию: второго представления этой пьесы не будет, и если у тебя есть долги, постарайся выплатить их вовремя из назначенных тебе конституцией 600 тысяч франков жалованья, если, конечно, ты не предпочитаешь отправиться в Клиши во второй понедельник прекрасного месяца мая! — Если конституция, таким образом, предоставляет президенту фактическую власть, она зато старается обеспечить за Национальным собранием моральную силу. Но, не говоря о том, что моральную силу невозможно создать параграфами закона, конституция в данном случае снова сама себя опровергает, предписывая, что президент избирается всеми французами прямым голосованием. В то время как голоса всей Франции разбиваются между 750 членами Национального собрания, в этом случае они, напротив, сосредоточиваются на одной личности. В то время как каждый отдельный депутат является представителем лишь той или другой партии, того или другого города, того или другого пункта или даже просто представляет необходимость избрать одного из 750 депутатов, когда не уделяется особого внимания ни сути дела, ни самой личности избираемого, — президент является избранником нации, и его выборы — крупный козырь, пускаемый в ход суверенным народом раз в четыре года. Выборное Национальное собрание связано с нацией метафизически, выборный же президент связан с ней лично. Национальное собрание, правда, отображает в лице своих отдельных представителей многообразные стороны национального духа, зато в президенте национальный дух является во плоти. По сравнению с Национальным собранием президент является носителем своего рода божественного права: он — правитель народной милостью.

Фетида, морская богиня, предсказала Ахиллесу смерть во цвете лет. Конституция, имеющая, подобно Ахиллесу, уязвимое место, подобно Ахиллесу же предчувствовала, что ей суждено преждевременно умереть. Фетиде незачем было оставлять море, чтобы выдать эту тайну учредителям республики, чистым республиканцам; им стоило только бросить взгляд с заоблачных высот своей идеальной республики на грешную землю, чтобы увидеть, что дерзость роялистов, бонапартистов, демократов, коммунистов и их собственная непопулярность росли с каждым днем, по мере того как они приближались к завершению своего великого законодательного произведения искусства. Они старались перехитрить судьбу конституционной уловкой, посредством статьи III конституции, в силу которой всякое предложение о пересмотре конституции подлежит троекратному обсуждению с перерывом между этими обсуждениями в целый месяц и должно быть принято по меньшей мере тремя четвертями голосов, причем необходимо участие в голосовании не менее 500 членов Национального собрания. Но это было лишь бессильной попыткой обеспечить за собой силу на тот пророчески уже предвидимый ими случай, когда они станут парламентским меньшинством, — обеспечить силу, которая с каждым днем все более ускользала из их слабых рук уже теперь, когда они располагали парламентским большинством и всеми средствами правительственной власти.

Наконец, в особом мелодраматическом параграфе конституция вверяет себя «бдительности и патриотизму всего французского народа и каждого отдельного француза», после того как она в одной из предыдущих статей вверила «бдительных» и «патриотических» французов нежному уголовному попечению нарочно для того изобретенного ею «*haute cour*». Верховного суда.

Такова была конституция 1848 г., которая 2 декабря 1851 г. была ниспровергнута не

головой человека, а прикосновением одной лишь шляпы; правда, эта шляпа была наполеоновской треуголкой.

В то время как буржуазные республиканцы в Собрании измышляли, обсуждали и голосовали эту конституцию, Кавеньяк вне Собрания держал Париж на осадном положении. Осадное положение Парижа было акушером Учредительного собрания при его родовых муках во время рождения республики. Если конституция позже была отправлена на тот свет штыками, то не надо забывать, что штыки же, обращенные при этом против народа, были призваны охранять ее еще в материнской утробе и помочь ей появиться на свет. Предки «добропорядочных республиканцев» прошли с символом конституции, трехцветным знаменем, по всей Европе. «Добропорядочные республиканцы», в свою очередь, сделали изобретение, само проложившее себе дорогу по всему континенту, но с неостывающей любовью все снова возвращавшееся во Францию, пока оно не приобрело теперь права гражданства в половине французских департаментов. Это изобретение — осадное положение. Превосходное изобретение, периодически применяемое в каждом из следующих друг за другом кризисов в ходе французской революции. Но казарма и бивуак, тяжесть которых таким образом периодически взваливалась на французское общество, чтобы подавить его сознание и утихомирить его; сабля и ружье, которым периодически предоставлялось творить суд и управлять, опекать и подвергать цензуре, исправлять обязанности полицейского и ночного сторожа; усы и солдатский мундир, периодически провозглашаемые высшей мудростью общества и его наставниками, — как могли казарма и бивуак, сабля и ружье, усы и солдатский мундир не прийти, наконец, к выводу: лучше спасти общество раз навсегда, провозгласив свой собственный режим главенствующим и совершенно избавив буржуазное общество от забот самоуправления! Казарма и бивуак, сабля и ружье, усы и солдатский мундир тем более должны были прийти к такой мысли, что они могли рассчитывать в этом случае на лучшую плату чистоганом за свои более серьезные заслуги, тогда как при только периодическом осадном положении — и временном спасении общества по приказу той или другой фракции буржуазии на их долю перепадало мало существенного, кроме нескольких убитых и раненых и нескольких кривых улыбок со стороны буржуа. Почему бы войску не попробовать, наконец, разыграть осадное положение в собственных интересах и в свою собственную пользу, и вместе с тем подвергнуть осаде кошельки буржуа? Не надо, впрочем, забывать, — заметим мимоходом, — что полковник Бернар, тот самый председатель военных комиссий, который при Кавеньяке сослал без суда 15 000 повстанцев, в эту минуту опять находится во главе действующих в Париже военных комиссий.

Если «добропорядочные», чистые республиканцы, объявив Париж на осадном положении, тем самым насадили питомник, в котором впоследствии предстояло вырасти преторианцам 2 декабря 1851 г., то им зато принадлежит другого рода заслуга: вместо того чтобы разжигать национальное чувство, как они это делали при Луи-Филиппе, теперь, когда в их распоряжении оказалась вся сила нации, они пресмыкаются перед иностранными державами и, вместо того чтобы освободить Италию, позволяют австрийцам и неаполитанцам снова поработить ее. Избрание Луи Бонапарта в президенты 10 декабря 1848 г. положило конец диктатуре Кавеньяка и Учредительному собранию.

Статья 44 конституции гласит: «Президентом французской республики не может быть тот, кто когда-либо терял свое звание французского гражданина». Первый президент французской республики, Луи-Наполеон Бонапарт, не только потерял свое звание французского гражданина, не только был специальным констеблем в Англии — он был к тому же натурализованным швейцарцем.

О значении выборов 10 декабря я подробно говорил в другом месте. Здесь я не буду к этому возвращаться. Достаточно заметить, что они представляли реакцию крестьян, которым пришлось нести издержки февральской революции, против других классов нации, — реакцию деревни против города. Они встретили большое сочувствие в армии, которой республиканцы из «National» не доставили ни славы, ни прибавки к жалованью, среди

крупной буржуазии, приветствовавшей Бонапарта как переходную ступень к монархии, среди пролетариев и мелких буржуа, приветствовавших его как кару за Кавеньяка. Ниже мне представится случай подробнее остановиться на отношении крестьян к французской революции.

Период от 20 декабря 1848 г. до роспуска Учредительного собрания в мае 1849 г. охватывает историю гибели буржуазных республиканцев. После того как они основали республику для буржуазии, прогнали с арены революционный пролетариат и на время заткнули рот демократической мелкой буржуазии, они сами были отстранены массой буржуазии, которая с полным правом завладела этой республикой как своей собственностью. Но эта буржуазная масса была роялистской. Одна часть ее — крупные земельные собственники — господствовала во время Реставрации и была поэтому легитимистской. Другая часть — финансовые тузы и крупные промышленники — господствовала при Июльской монархии и была поэтому орлеанистской. Высшие чины армии, университета, церкви, адвокатуры, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими. Обе эти части буржуазии нашли здесь в буржуазной республике, не носившей ни имени Бурбонов, ни имени Орлеанов, а имя Капитала, государственную форму, при которой они могли господствовать сообща. Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка». Теперь наступила пора устранить клику буржуазных республиканцев, удерживавших еще позиции в Национальном собрании. Насколько зверски эти чистые республиканцы злоупотребили физической силой по отношению к народу, настолько трусливыми, робкими, малодушными, беспомощными, неспособными к борьбе оказались они теперь, отступив, когда надо было отстоять свой республиканизм и свои права законодателей против исполнительной власти и роялистов. Мне незачем здесь рассказывать позорную историю их разложения. Это было исчезновение, а не гибель. Они навсегда сыграли свою роль. В следующем периоде они фигурируют и в Собрании и вне его лишь как тени прошлого — тени, которые, кажется, вновь оживают, как только дело идет опять об одном лишь названии республики и как только революционный конфликт грозит опуститься до самого низкого уровня. Замечу мимоходом, что газета «National», давшая этой партии свое имя, в следующем периоде переходит на сторону социализма.

Прежде чем расстаться с этим периодом, мы должны бросить еще ретроспективный взгляд на те две силы, которые жили в брачном союзе от 20 декабря 1848 г. до конца Учредительного собрания и из которых одна уничтожила другую 2 декабря 1851 года. Я имею в виду Луи Бонапарта, с одной стороны, и партию объединенных роялистов, партию порядка, партию крупной буржуазии, с другой. Приступив к обязанностям президента, Бонапарт сразу же составил министерство из партии порядка с Одилоном Барро во главе, — заметьте, со старым вождем самой либеральной фракции парламентской буржуазии. Г-н Барро поймал-таки, наконец, министерский портфель, призрак которого преследовал его с 1830 г., — более того, портфель премьер-министра в этом министерстве. Но он достиг этого не так, как он мечтал при Луи-Филиппе, — не в качестве самого передового лидера парламентской оппозиции, а в качестве союзника всех своих заклятых врагов, иезуитов и легитимистов, и притом с задачей уложить в могилу парламент. Он повел, наконец, невесту к венцу, но только после того как она была обесчещена. Сам Бонапарт как будто совершенно стусевался. За него действовала партия порядка.

На первом же заседании совета министров было решено отправить экспедицию в Рим, причем сговорились устроить это за спиной Национального собрания, а средства вырвать у него под ложным предлогом. Таким образом, министерство начало свою деятельность обманом Национального собрания и тайным заговором с иностранными абсолютистскими державами против революционной Римской республики. Таким же способом и при помощи тех же приемов Бонапарт подготовил свой переворот 2 декабря против роялистского Законодательного собрания и его конституционной республики. Не забудем, что та самая партия, которая 20 декабря 1848 г. составила бонапартовское министерство, 2 декабря 1851 г. составляла большинство Законодательного национального собрания.

В августе Учредительное собрание приняло решение разойтись не раньше, чем будет выработан и обнародован целый ряд органических законов, которые должны были дополнить конституцию. 6 января 1849 г. партия порядка устами депутата Рато предложила Собранию оставить в покое органические законы и принять лучше решение о своем собственном роспуске. Не только министерство с г-ном Одилоном Барро во главе, но и все роялистские депутаты Национального собрания теперь повелительно твердили ему, что его роспуск необходим для восстановления кредита, для упрочения порядка, для того чтобы положить конец неопределенному временному состоянию и основать нечто окончательное; что Собрание мешает продуктивной работе нового правительства и хочет продолжать свое существование только из злобного упрямства и что оно надоело стране. Эти выпады против законодательной власти Бонапарт намотал себе на ус, выучил их наизусть и 2 декабря 1851 г. доказал парламентским роялистам, что он кое-чему у них научился. Он обратился против них же собственные лозунги.

Министерство Барро и партия порядка пошли дальше. Они инспирировали по всей Франции петиции к Национальному собранию, в которых его любезно просили исчезнуть. Таким образом, они повели в бой против Национального собрания, этого конституционно организованного выражения народной воли, неорганизованные народные массы. Они научили Бонапарта апеллировать против парламентских собраний к народу. 29 января 1849 г. настал, наконец, день, когда Учредительному собранию пришлось решать вопрос о своем собственном роспуске. В этот день здание, где происходили его заседания, было занято войсками; генерал партии порядка Шангарнье, в руках которого было соединено верховное командование национальной гвардией и линейными войсками, производил большой смотр войскам в Париже словно накануне сражения, а объединенные роялисты угрожали Собранию применением силы, если оно не проявит сговорчивости. Оно оказалось сговорчивым, выторговав себе только очень кратковременную отсрочку. Чем же было 29 января, как не *coup d'etat* 2 декабря 1851 г., только совершенным роялистами в союзе с Бонапартом против республиканского Национального собрания? Господа роялисты не заметили или не захотели заметить, что Бонапарт воспользовался событиями 29 января 1849 г., чтобы заставить часть войска продефилировать перед собой у Тюильрийского дворца, что он жадно ухватился именно за этот первый открытый призыв к военной силе против силы парламента, чтобы намекнуть им о Калигуле. Они, разумеется, видели только своего Шангарнье.

Один из мотивов, особенно побуждавших партию порядка насильственно сократить жизнь Учредительного собрания, заключался в дополняющих конституцию органических законах — законе об образовании, законе о вероисповедании и других. Объединенным роялистам было крайне важно выработать эти законы самим, не допустив, чтобы они были изданы сделавшимися недоверчивыми республиканцами. Однако в числе этих органических законов был также закон об ответственности президента республики. В 1851 г. Законодательное собрание как раз было занято разработкой такого закона, когда Бонапарт предупредил этот *coup* своим *coup* 2 декабря. Чего бы только не дали объединенные роялисты во время своей парламентской зимней кампании 1851 г. за то, чтобы иметь готовый закон об ответственности президента, и притом закон, выработанный недоверчивым, враждебным республиканским Собранием!

После того как Учредительное собрание 29 января 1849 г. само сломало свое последнее оружие, министерство Барро и друзья порядка принялись беспощадно травить его. Они не упускали ни одного случая, чтобы унижить его, и вынудили у бессильного и отчаявшегося в самом себе Собрания законы, лишившие его последнего остатка уважения со стороны общества. У Бонапарта, поглощенного своей навязчивой наполеоновской идеей, хватило дерзости публично использовать это унижение парламентской власти. А именно, когда Национальное собрание 8 мая 1849 г. выразило порицание министерству за занятие Чивита-Веккии генералом Удино и приказало вернуть римскую экспедицию к приписываемой ей цели, — Бонапарт в тот же вечер опубликовал в «*Moniteur*» письмо к Удино, в котором он

поздравлял генерала с его геройскими подвигами и, в противоположность занимающимся бумагомаранием парламентариям, уже принимал позу великодушного покровителя армии. Роялисты посмеивались над этим: они были уверены, что они его дурачат. Наконец, когда Марраст, председатель Учредительного собрания, усомнившись па минуту в безопасности Национального собрания, вызвал на основании конституции одного полковника с его полком, тот отказался явиться на вызов, ссылаясь на дисциплину, и предложил Маррасту обратиться к Шапгарнье, который отказал Маррасту, язвительно заметив, что он не любит *baioonettes intelligentes*. В ноябре 1851 г. объединенные роялисты, готовясь начать решительную борьбу с Бонапартом, пытались в своем пресловутом законопроекте квесторов провести принцип непосредственного вызова войск председателем Национального собрания. Один из их генералов, Лефло, подписал законопроект. Но тщетно голосовал за него Шангарцье, тщетно Тьер превозносил осмотрительную мудрость покойного Учредительного собрания. Военный министр Сент-Арно ответил ему так, как Шангарнье ответил Маррасту, и его ответ был покрыт аплодисментами Горы!

Так партия порядка, еще будучи лишь министерством, а не Национальным собранием, сама заклеимила парламентарный режим. И она поднимает крик, когда переворот 2 декабря 1851 г. изгоняет его из Франции!

Пожелаем ему счастливого пути!

Часть III

28 мая 1849 г. Законодательное национальное собрание открыло свои заседания, 2 декабря 1851 г. оно было разогнано. Этот период охватывает время существования конституционной, или парламентарной, республики.

В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, — эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии.

Обратное происходит в революции 1848 года. Пролетарская партия выступает как придаток мелкобуржуазной демократической партии. Последняя ей изменяет и способствует ее поражению 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, в свою очередь, опирается на плечи буржуазно-республиканской партии. Не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами опираются на плечи партии порядка. Партия порядка поводит плечами, опрокидывает буржуазных республиканцев и сама спешит усесться на плечи вооруженной силы. Она еще продолжает думать, что сидит у нее на плечах, когда в одно прекрасное утро обнаруживает, что эти плечи превратились в штыки. Каждая партия лягает напирющую на нее сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии. Она оказывается втянутой в это попятное движение еще прежде, чем была убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть.

Период, с которым мы имеем дело, заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: перед нами конституционалисты, открыто организующие заговоры против конституции, революционеры, открыто признающие себя сторонниками конституционных действий, Национальное собрание, желающее быть всемогущим и неизменно ведущее себя по-парламентски; Гора, видящая свое призвание в терпении и возмещающая свои поражения в настоящем предсказаниями побед в будущем; роялисты в роли *patres conscripti* республики, вынужденные обстоятельствами удерживать за границей враждующие между собой королевские династии, приверженцами которых они являются, а во Франции поддерживать

республику, которую они ненавидят; исполнительная власть, видящая силу в своей слабости и свой престиж во внушаемом ею презрении; республика, представляющая собой не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий — Реставрации и Июльской монархии — под ярлыком империи; союзы, в основе которых лежит разъединение; борьба, основной закон которой — не доводить борьбы до конца; разнузданная бессодержательная агитация — во имя спокойствия; торжественнейшая проповедь спокойствия — во имя революции; страсти, лишённые истины; истины, лишённые страсти; герои без подвигов; история без событий; развитие, единственной движущей силой которого является, по-видимому, календарь и которое утомляет монотонным повторением одних и тех же состояний напряженности и разрядки; противоположности, периодически доходящие до высшей точки как будто только для того, чтобы притупиться и сойти на нет, не будучи в состоянии разрешиться; претенциозно выставляемые напоказ усилия и мещанский страх перед надвигающимся светопреставлением в то время, как спасители мира предаются самым мелочным интригам и придворному комедиантству, напоминая своей беспечностью скорее времена Фронды, чем страшный суд; официальный совокупный гений всей Франции, посрамленный лукавой тупостью одного человека; всеобщая воля нации, ищущая себе — всякий раз, как она проявляется во всеобщем голосовании, — достойного выражения в лице закоренелых врагов интересов масс, пока она, наконец, не находит его в своеволии одного флибустьера. Если какая-либо страница истории написана сплошь серыми красками, то именно эта. Люди и события кажутся Шлемилями наизусть — тенями, потерявшими тело. Революция сама парализует своих собственных носителей и наделяет страстной энергией насилия лишь своих врагов. Если «красный призрак», постоянно вызываемый и заклиняемый контрреволюционерами, появляется наконец, то появляется он не с анархическим фригийским колпаком на голове, а в мундире порядка, в красных шароварах.

Мы видели, что министерство, составленное Бонапартом в день его вознесения, 20 декабря 1848 г., было министерством партии порядка, министерством легитимистской и орлеанистской коалиции. Это министерство Барро — Фаллу, более или менее насильственно укоротившее жизнь республиканского Учредительного собрания, пережило его и находилось еще у власти. Шангарнье, генерал объединенных роялистов, все еще соединял в своих руках верховное командование первой армейской дивизией и парижской национальной гвардией. Наконец, всеобщие выборы обеспечили за партией порядка огромное большинство в Законодательном собрании. Здесь сошлись депутаты и пэры Луи-Филиппа со священной фалангой легитимистов, для которых многочисленные избирательные бюллетени нации превратились во входные билеты на политическую сцену. Бонапартистских депутатов было слишком мало для образования самостоятельной парламентской партии. Они представляли лишь *mauvaise queue* партии порядка. Таким образом, партия порядка имела в своих руках правительственную власть, армию и законодательный корпус — словом, всю государственную власть, морально подкрепленную всеобщими выборами, выставлявшими ее господство как выражение народной воли, и одновременной победой контрреволюции на всем европейском континенте.

Еще никогда ни одна партия не начинала кампании с более могучими средствами и при более благоприятных предзнаменованиях.

От потерпевших крушение чистых республиканцев в Законодательном национальном собрании уцелела лишь клика человек в 50 с африканскими генералами Кавеньяком, Ламорисьером и Бедо во главе. Однако большую оппозиционную партию составляла Гора — этим парламентским именем окрестила себя социально-демократическая партия. Из 750 мест Национального собрания она обладала более чем двумястами и была таким образом по меньшей мере столь же сильна, как любая из трех фракций партии порядка, взятая в отдельности. Ее относительное меньшинство по сравнению со всей роялистской коалицией уравнивалось, казалось, особыми обстоятельствами. Не только департаментские выборы показали, что она приобрела значительное число приверженцев среди сельского населения; почти все депутаты Парижа находились в ее рядах; армия избранием трех унтер-

офицеров обнаружила демократические убеждения, а вождь Горы Ледрю-Роллен — в отличие от всех представителей партии порядка — был возведен в парламентское достоинство избранием в пяти департаментах, подавших голос за него. Таким образом, 28 мая 1849 г. Гора — при неизбежных столкновениях между самими роялистами и между всей партией порядка и Бонапартом — имела, казалось, на своей стороне все шансы на успех. Через две недели она потеряла все, в том числе и честь.

Прежде чем продолжать изложение парламентской истории, необходимо сделать некоторые замечания, чтобы избежать обычных ошибок при оценке общего характера рассматриваемой нами эпохи. На взгляд демократов, и в период Учредительного и в период Законодательного национального собрания дело шло об одном и том же: о простой борьбе между республиканцами и роялистами. Само же движение они резюмируют в одном слове: «реакция» — ночь, когда все кошки серы и когда демократам можно беспрепятственно изрекать достойные ночного сторожа банальности. Конечно, на первый взгляд партия порядка кажется клубком различных роялистских фракций, которые не только интригуют друг против друга, чтобы посадить на трон собственного претендента и отстранить претендента противоположной стороны, но и объединяются все в общей ненависти к «республике» и в общей борьбе против нее. В противоположность этим роялистским заговорщикам Гора со своей стороны выглядит защитницей «республики». Партия порядка представляется вечно запятой «реакцией», которая — точь-в-точь как в Пруссии — направлена против прессы, союзов и т. п. и — опять-таки как в Пруссии — осуществляется в виде грубого полицейского вмешательства бюрократии, жандармерии и суда. «Гора», со своей стороны, столь же непрерывно занята отражением этих атак, защитой «вечных прав человека», как это более или менее делала в течение последних полутора столетий всякая так называемая народная партия. Однако при более внимательном анализе ситуации и партий исчезает эта обманчивая видимость, скрывающая классовую борьбу и своеобразную физиономию этого периода.

Легитимисты и орлеанисты составляли, как сказано, две большие фракции партии порядка. Что же привязывало эти фракции к их претендентам и взаимно разъединяло их? Неужели только лилии и трехцветное знамя, дом Бурбонов и дом Орлеанов, различные оттенки роялизма, да и роялистское ли вероисповедание вообще? При Бурбонах властвовала крупная земельная собственность со своими попами и лакеями, при Орлеанах — финансовая аристократия, крупная промышленность, крупная торговля, т. е. капитал со своей свитой адвокатов, профессоров и краснобаев. Легитимная монархия была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, подобно тому как Июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек. Таким образом, эти фракции были разъединены отнюдь не так называемыми принципами, а материальными условиями своего существования, двумя различными видами собственности, они были разъединены старой противоположностью между городом и деревней, соперничеством между капиталом и земельной собственностью. Что их вместе с тем связывало с той или другой династией старые воспоминания, личная вражда, опасения и надежды, предрассудки и иллюзии, симпатии и антипатии, убеждения, символы веры и принципы, — кто это будет отрицать? Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и взглядов на жизнь. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивид, которому эти чувства и взгляды передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности. Если орлеанисты, легитимисты, каждая фракция старалась уверить себя и других, что их разделяет привязанность к двум различным династиям, то факты впоследствии доказали, что, наоборот, противоположность их интересов делала невозможным слияние двух династий. И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более в исторических битвах следует проводить

различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью. Орлеанисты и легитимисты очутились в республике друг подле друга с одинаковыми притязаниями. Если каждая сторона, наперекор другой, добивалась реставрации своей собственной династии, то это лишь значило, что каждая из двух крупных фракций, на которые разделяется буржуазия — земельная собственность и финансовый капитал, — добивалась реставрации собственного главенства и подчиненного положения другого. Мы говорим о двух фракциях буржуазии, потому что крупная земельная собственность, вопреки своему кокетничаный феодализмом и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась под влиянием развития современного общества. Так, английские тори долго воображали, что они страстно привязаны к королевской власти, к церкви и к прелестям старинной английской конституции, пока в час опасности у них не вырвалось признание, что они страстно привязаны к одной только земельной ренте.

Объединенные роялисты интриговали друг против друга в прессе, в Эмсе, в Клэрмонте, вне парламента. За кулисами они снова надевали свои старинные орлеанистские и легитимистские ливреи и возобновляли свои старинные турниры. Но на публичной сцене, в своих лицедействах, в роли большой парламентской партии, они отделялись от своих династий одними реверансами и откладывали реставрацию монархии *in infinitum*. Они занимались своим настоящим делом в качестве партии порядка, т. е. под социальным, а не под политическим знаменем, как представители буржуазного миропорядка, а не как рыцари странствующих принцесс, как буржуазный класс в противоположность другим классам, а не как роялисты в противоположность республиканцам. И как партия порядка они пользовались более неограниченной и твердой властью над другими общественными классами, чем когда-либо раньше, во время Реставрации или при Июльской монархии; такая власть возможна была вообще только в форме парламентарной республики, потому что только при этой форме могли соединиться обе крупные фракции французской буржуазии и тем самым поставить в порядок дня господство своего класса вместо господства одной привилегированной фракции этого класса. Если они тем не менее также и в качестве партии порядка поносят республику и не скрывают своего отвращения к ней, то это объясняется не только роялистскими воспоминаниями. Инстинкт подсказывал им, что республика, хотя и венчает их политическое господство, вместе с тем подрывает его социальную основу, так как теперь им приходится стоять лицом к лицу с поработенными классами и бороться с ними непосредственно, не пользуясь короной как прикрытием, не отвлекая внимания нации второстепенной борьбой друг с другом и с королевской властью. Именно чувство слабости заставляло их отступать перед чистыми условиями их собственного классового господства и стремиться назад, к менее полным, менее развитым, но как раз поэтому более безопасным формам этого господства. Наоборот, каждый раз, когда объединенные роялисты приходят в столкновение с враждебным им претендентом, с Бонапартом, каждый раз, когда они опасаются покушений на свое парламентское всемогущество со стороны исполнительной власти, когда им, следовательно, приходится выдвигать на первый план политическую правомерность своего господства, — они выступают как республиканцы, а не как роялисты, начиная от орлеаниста Тьера, заверяющего Национальное собрание, что меньше всего их разделяет вопрос о республике, и кончая легитимистом Берье, который 2 декабря 1851 г., опоясавшись трехцветным шарфом, в роли трибуна обращается к собравшемуся перед мэрией десятого округа народу с речью от имени республики. Правда, ему вторит насмешливое эхо: Генрих V! Генрих V!

В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелких буржуа и рабочих, так называемая социально-демократическая партия. После июньских дней 1848 г. мелкая буржуазия увидела, что ее обошли, что ее материальным интересам был нанесен ущерб, а демократические гарантии, которые должны были обеспечить ей возможность отстаивать эти интересы, были поставлены под вопрос контрреволюцией. Поэтому она сблизилась с рабочими. С другой стороны, ее парламентское представительство, Гора, отодвинутая на

задний план во время диктатуры буржуазных республиканцев, во вторую половину существования Учредительного собрания вновь приобрела потерянную популярность благодаря борьбе с Бонапартом и с роялистскими министрами. Гора заключила союз с социалистическими вождями. Примирение отпраздновали на банкетах в феврале 1849 года. Была составлена общая программа, были созданы общие избирательные комитеты и выставлены общие кандидаты. Социальные требования пролетариата были лишены революционной остроты и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии лишились чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла социально-демократическая партия. Новая Гора, результат этого компромисса, состояла, если не считать нескольких статистов из рабочего класса и нескольких социалистических сектантов, из тех же элементов, что и старая Гора, только в большем количестве. Но с течением времени она изменилась вместе с представляемым ею классом. Своеобразный характер социально-демократической партии выражается в том, что она требует демократическо-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижения этой цели, какими бы более или менее революционными представлениями она ни приукрашивалась, — суть остается та же: перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности. Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют.

После сказанного становится ясным само собой, что, когда Гора ведет против партии порядка непрерывную борьбу за республику и так называемые права человека, ни республика, ни права человека не являются ее конечной целью, подобно тому как армия, которую хотят разоружить, сопротивляется и вступает в бой не только ради сохранения своего оружия.

Партия порядка начала провоцировать Гору, как только открылось Национальное собрание. Буржуазия чувствовала теперь необходимость покончить с демократической мелкой буржуазией, подобно тому как она год тому назад чувствовала необходимость покончить с революционным пролетариатом. Только на этот раз положение противника было другое. Сила пролетарской партии была на улице, сила же мелкой буржуазии — в самом Национальном собрании. Надо было, значит, выманить ее из Национального собрания на улицу и заставить ее самое сломить свою парламентскую силу, пока время и обстоятельства еще не упрочили этой силы. Гора очертя голову бросилась в западню.

Приманкой для нее послужила бомбардировка Рима французскими войсками. Эта бомбардировка нарушала статью V конституции, запрещающую Французской республике применять свои военные силы против свободы другого народа. Кроме того, статья 54 запрещает исполнительной власти объявлять войну без согласия Национального собрания, а Учредительное собрание своим решением от 8 мая осудило римскую экспедицию. На этом основании Ледрю-Роллен представил 11 июня 1849 г. обвинительный акт против Бонапарта и его министров. Раздраженный булавочными уколами Тьера, он дошел до угрозы защищать конституцию всеми средствами, даже с оружием в руках. Гора поднялась, как один человек,

и повторила этот призыв к оружию. 12 июня Национальное собрание отвергло обвинительный акт, и Гора покинула парламент. События 13 июня известны: прокламация части Горы, объявлявшая Бонапарта и его министров «вне конституции»; уличная процессия демократических национальных гвардейцев, явившихся без оружия и рассеявшихся при встрече с войсками Шангарнье, и так далее. Часть Горы бежала за границу, другая часть была предана Верховному суду в Бурже, а остатки Горы, подобно школьникам, были подвергнуты парламентским регламентом мелочному надзору председателя Национального собрания. Париж снова был объявлен на осадном положении, а демократическая часть парижской национальной гвардии была распущена. Так были уничтожены влияние Горы в парламенте и сила мелкой буржуазии в Париже.

Лион, где события 13 июня явились сигналом к кровавому восстанию рабочих, был вместе с пятью соседними департаментами также объявлен на осадном положении. Осадное положение остается там в силе до настоящего момента.

Большинство Горы изменило своему авангарду, отказавшись подписаться под его прокламацией. Дезертировала и пресса; только две газеты осмелились опубликовать это пронунциаменто. Мелкие буржуа изменили своим представителям: национальные гвардейцы отсутствовали, а если где и появлялись, то мешали строить баррикады. Представители обманули мелких буржуа: мнимые союзники из армии нигде не показывались. Наконец, демократическая партия, вместо того чтобы позаимствовать силы у пролетариата, заразила его своей собственной слабостью, и, как это водится при всех великих деяниях демократов, вожди могли для своего удовлетворения обвинять свой «народ» в измене, а народ мог для своего удовлетворения обвинять своих вождей в надувательстве.

Редко какое-либо дело возвещалось с большим шумом, чем предстоящий поход Горы; редко о каком-либо событии трубили с большей уверенностью и так заблаговременно, как в данном случае о неизбежной победе демократии. Нет сомнения, демократы верят в силу трубных звуков, от которых пали иерихонские стены. И каждый раз, когда они стоят перед стеной деспотизма, они стараются повторить это чудо. Если Гора хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьезно думала о мирной демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному. Если она думала о действительной борьбе, было странно складывать оружие, необходимое для борьбы. Но дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей — это не более чем попытка запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, — то они это делают двусмысленно, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению. Оглушительная увертюра, возвещающая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и действие замирает, спадает, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой.

Ни одна партия не преувеличивает больше своих средств, не обманывается легкомысленнее насчет сложившейся ситуации, чем демократическая партия. Если часть армии голосовала за Гору, то Гора пришла к убеждению, что армия пойдет за нее и на бунт. И по какому поводу? По поводу, который с точки зрения армии имел только один смысл, — именно, что революционеры стали на сторону римских солдат против французских. С другой стороны, воспоминания об июньских днях 1848 г. были еще слишком свежи, чтобы пролетариат не питал глубокого отвращения к национальной гвардии и чтобы вожди тайных обществ не были проникнуты сильным недоверием к демократическим вождям. Для того чтобы сгладить эти противоречия, требовалась общность серьезных интересов, находящихся под угрозой. Нарушение какого-то отвлеченного параграфа конституции не могло пробудить такого рода интерес. Разве конституция, по уверению самих демократов, не была уже нарушена много раз? Разве самые популярные газеты не заклеили конституцию как дело рук контрреволюционеров? Но демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. переходный

класс, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют народ. Они стоят за народное право; они представляют народные интересы. Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — и народ со всеми своими неисчерпаемыми средствами бросится на угнетателей. Но если оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть бессилие, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие единый народ на различные враждебные лагеря, либо армия слишком озверела, слишком была ослеплена, чтобы видеть в чистых целях демократии свое собственное благо, либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него.

Не следует поэтому представлять себе сильно поредевшую, сломленную и униженную новым парламентским регламентом Гору слишком уж несчастной. Если 13 июня устранило ее вождей, то этот же день, с другой стороны, очистил место второстепенным «талантам», которым это новое положение льстило. Если нельзя было более сомневаться в их парламентском бессилии, то они были теперь вправе ограничивать свою деятельность взрывами нравственного негодования и трескучей декламацией. Если партия порядка выставляла их, как последних официальных представителей революции, как воплощение всех ужасов анархии, то тем пошлее и умереннее могли они быть на деле. А насчет поражения 13 июня они утешали себя глубокомысленным восклицанием: «Пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только! Мы покажем тогда, кто мы такие! *Nous verrons!*».

Что касается бежавших за границу монтаньяров, то достаточно здесь заметить, что Ледрю-Роллен, ухитрившийся за какие-нибудь две недели безнадежно погубить могучую партию, во главе которой он стоял, счел себя после этого призванным образовать французское правительство *in partibus*, что его фигура в отдалении, в стороне от арены действий, как будто вырастала по мере того, как уровень революции падал и официальные величины официальной Франции принимали все более карликовые размеры; что он мог выступить как республиканский претендент на предстоявших в 1852 г. выборах; что он время от времени рассылал циркуляры к валахам и другим народам, где он угрожал континентальным деспотам своими подвигами и подвигами своих союзников. Разве Прудон был целиком не прав, обращаясь к этим господам со словами: «*Voilà n'etes que des blagueurs!*»?

13 июня партия порядка не только сломила силу Горы, но провела в то же время принцип подчинения конституции решениям большинства Национального собрания. Она понимала республику так: в республике буржуазия господствует в парламентских формах, не будучи ограничена, как это имеет место при монархии, ни правом вето исполнительной власти, ни правом последней распускать парламент. Такова, по определению Тьера, парламентская республика. Но если буржуазия 13 июня обеспечила за собой неограниченную власть внутри парламентских стен, не нанесла ли она удалением из парламента наиболее популярных депутатов сокрушительный удар самому же парламенту, крайне ослабив его перед лицом исполнительной власти и народа. Без всяких церемоний выдавая суду многочисленных депутатов, она отменила свою собственную парламентскую неприкосновенность. Унизительный регламент, которому она подчинила депутатов Горы, настолько же возвысил президента республики, насколько он унизил каждого отдельного представителя народа. Заклеймив восстание в защиту конституции как анархистское действие, стремящееся к ниспровержению общества, она сама лишила себя возможности

призвать к восстанию в том случае, если исполнительная власть вздумает нарушить конституцию против нее. И какова ирония истории! 2 декабря 1851 г. партия порядка слезно, но тщетно предлагает народу в качестве защитника конституции против Бонапарта генерала Удино, того генерала, который, по поручению Бонапарта, бомбардировал Рим и тем самым дал непосредственный повод к конституционному мятежу 13 июня. Другой герой 13 июня, Виейра, удостоившийся похвалы с трибуны Национального собрания за бесчинства, которые он совершил в помещениях демократических газет во главе шайки национальных гвардейцев, принадлежащей к финансовой аристократии, — этот самый Виейра был посвящен в заговор Бонапарта и в значительной степени способствовал тому, чтобы лишить Национальное собрание в его смертный час всякой помощи со стороны национальной гвардии.

13 июня имело еще другой смысл. Гора добивалась предания Бонапарта суду. Ее поражение было, следовательно, прямой победой Бонапарта, его личным торжеством над его демократическими врагами. Партия порядка одержала эту победу — Бонапарту оставалось только записать ее на свой счет. Он это и сделал. 14 июня на стенах Парижа можно было прочесть прокламацию, в которой президент, как бы будучи непричастным ко всему этому, как бы нехотя, единственно под давлением событий, выходит из своего монастырского уединения, в тоне непризнанной добродетели жалуется на клевету своих противников и, якобы отождествляя свою персону с делом порядка, на самом деле отождествляет дело порядка со своей персоной. К тому же, хотя Национальное собрание задним числом и санкционировало римскую экспедицию, инициатором ее был Бонапарт. Восстановив власть первосвященника Самуила в Ватикане, Бонапарт мог надеяться войти царем Давидом в Тюильри. Он привлек на свою сторону попов.

Мятеж 13 июня ограничился, как мы видели, мирной уличной процессией. Значит, о военных лаврах в борьбе против него не могло быть и речи. Тем не менее в это бедное героями и событиями время партия порядка превратила это бескровное сражение во второй Аустерлиц. С трибуны и в прессе превозносили армию как силу порядка в противоположность народным массам, представляющим бессилие анархии, а Шангарнье восхваляли как «оплот общества» — мистификация, в которую он в конце концов сам уверовал. Между тем втихомолку войсковые части, казавшиеся подозрительными, были выведены из Парижа; полки, обнаружившие на выборах самые сильные демократические симпатии, высланы из Франции в Алжир; беспокойные элементы среди солдат отданы в дисциплинарные батальоны; наконец, печать систематически отгораживали от казармы, а казарму — от гражданского общества.

Мы теперь дошли до решительного поворотного пункта в истории французской национальной гвардии. В 1830 г. национальная гвардия решила судьбу Реставрации. При Луи-Филиппе каждый бунт кончался неудачей, если национальная гвардия действовала заодно с войсками. Когда она в февральские дни 1848 г. заняла пассивную позицию по отношению к восстанию и двусмысленную позицию по отношению к Луи-Филиппу, последний счел себя погибшим, и действительно это было так. Так укоренилось убеждение, что революция не может победить без национальной гвардии, а армия не может победить, имея национальную гвардию против себя. Таково было суеверное представление армии о всемогуществе гражданского населения. Июньские дни 1848 г., когда вся национальная гвардия с линейными войсками подавила восстание, упрочили это суеверие. С президентством Бонапарта значение национальной гвардии несколько упало вследствие противоконституционного соединения командования национальной гвардией и командования первой армейской дивизией в руках Шангарнье.

Подобно тому как командование национальной гвардией стало в этом случае как бы атрибутом верховного военного командования, так и сама она приняла характер лишь придатка линейных войск. Наконец, 13 июня она была сломлена — не только потому, что, начиная с этого дня, ее стали постепенно распускать по частям во всех концах Франции, пока от нее не остались одни обломки. Демонстрация 13 июня была, прежде всего, демонстрацией

демократической части национальной гвардии. Правда, она противопоставила армии не свое оружие, а лишь свой мундир; но именно в этом мундире заключался талисман. Армия убедилась, что этот мундир такая же шерстяная тряпка, как и всякий другой мундир. Чары исчезли. В июньские дни 1848 г. буржуазия и мелкая буржуазия в лице национальной гвардии объединились с армией против пролетариата. 13 июня 1849 г. буржуазия разогнала мелкобуржуазную национальную гвардию при помощи армии, 2 декабря 1851 г. буржуазной национальной гвардии также уже не существовало, и Бонапарт лишь констатировал совершившийся факт, когда подписывал впоследствии декрет об ее роспуске. Так буржуазия сама сломала свое последнее оружие против армии, но она должна была его сломать с того момента, как мелкая буржуазия перестала стоять за ее спиной в качестве покорного вассала, а встала против нее в качестве бунтовщика. Да и вообще буржуазия вынуждена была собственными руками разрушить все свои средства обороны против самодержавия, как только сама стала самодержавной.

Тем временем партия порядка отпраздновала возвращение в ее руки власти — эту власть она потеряла в 1848 г. как бы только для того, чтобы в 1849 г. снова обрести ее уже свободной от всяких пут — оскорблением республики и конституции, проклятиями по адресу всех будущих, настоящих и прошлых революций, в том числе и той, которая была совершена ее собственными вождями, и, наконец, изданием законов, сковывающих прессу, уничтожающих свободу союзов и санкционирующих осадное положение как нормальный институт. Затем Национальное собрание прервало свои заседания с половины августа до половины октября, назначив на время своего отсутствия постоянную комиссию. Во время этих каникул легитимисты интриговали с Эмсом, орлеанисты — с Клэрмонтом, Бонапарт интриговал посредством обставленных по-царски поездок, а департаментские советы интриговали на совещаниях по поводу пересмотра конституции, — факты, неизменно повторявшиеся во время периодических каникул Национального собрания. Подробнее я остановлюсь на них, лишь когда они примут характер событий. Здесь следует еще только заметить, что Национальное собрание поступало неполитично, исчезая на довольно долгое время со сцены и оставляя во главе республики, у всех на виду, только одну, хотя бы и жалкую фигуру Луи Бонапарта, тогда как партия порядка скандализировала публику распадением на свои роялистские составные части с их враждебными друг другу реставраторскими вожделениями. Каждый раз, когда во время этих каникул смолкал оглушающий шум парламента и его тело растворялось в нации, становилось очевидным, что этой республике недоставало лишь одного, чтобы предстать в своем настоящем виде, — сделать парламентские каникулы непрерывными и заменить свой девиз: *Liberte, egalite, fraternite*, недвусмысленными словами: *Infanterie, Cavalerie, Artillerie!*

Часть IV

В середине октября 1849 г. Национальное собрание возобновило свои заседания. 1 ноября Бонапарт поразил Собрание посланием об отставке министерства Барро — Фаллу и об образовании нового министерства. Лакея не прогоняют со службы более бесцеремонно, чем Бонапарт прогнал своих министров. Пинки, предназначенные Национальному собранию, достались пока Барро и компании.

Министерство Барро было составлено, как мы видели, из легитимистов и орлеанистов. Это было министерство партии порядка. Бонапарту нужно было такое министерство, чтобы распустить республиканское Учредительное собрание, осуществить экспедицию против Рима и сломить силу демократической партии. Тогда он, казалось, ступив за спиной этого министерства, уступил правительственную власть партии порядка и надел скромную маску, какую в Париже носили ответственные издатели газет времен Луи-Филиппа, типичную маску *homme de paille*. Теперь он сбросил личину, которая из легкой вуали, дававшей ему возможность скрывать свои черты, превратилась в железную маску, мешавшую ему показать свое собственное лицо. Он призвал к власти министерство Барро,

чтобы от имени партии порядка разогнать республиканское Национальное собрание; он дал отставку этому министерству, чтобы объявить свое собственное имя независимым от Национального собрания этой партии порядка.

В благовидных предложениях к этой отставке недостатка не было. Министерство Барро пренебрегало даже правилами приличия, которые подобало соблюдать по отношению к президенту республики, как к власти, существующей наряду с Национальным собранием. Во время парламентских каникул Бонапарт опубликовал письмо к Эдгару Нею, в котором он, казалось бы, отрицательно отзывался о либеральном выступлении папы, подобно тому как, наперекор Учредительному собранию, он опубликовал письмо, восхвалявшее Уди но за нападение на Римскую республику. И когда Национальное собрание утвердило ассигнования на римскую экспедицию, Виктор Гюго из показного либерализма поднял вопрос об этом письме. Партия порядка похоронила под презрительно-недоверчивыми восклицаниями самую мысль о том, будто сумасбродства Бонапарта могут иметь какое-либо политическое значение. И никто из министров не поднял перчатки, брошенной Бонапарту. В другой раз Барро со свойственным ему пустым пафосом позволил себе с трибуны говорить с негодованием об «отвратительных кознях», имевших место, по его словам, среди ближайшего окружения президента. Наконец, министерство, выхлопотавшее у Национального собрания вдовью пенсию для герцогини Орлеанской, наотрез отказывалось вносить какие-либо предложения об увеличении содержания президента. А в лице Бонапарта претендент на императорскую корону так тесно сросся с разорившимся авантюристом, что великая идея о его призвании восстановить империю всегда дополнялась у него другой великой идеей — о призвании французского народа платить его долги.

Министерство Барро — Фаллу было первым и последним парламентским министерством, созданным Бонапартом. Его отставка является поэтому решающим поворотным пунктом. Вместе с ним партия порядка безвозвратно потеряла необходимый оплот для сохранения парламентского режима — руководство исполнительной властью. А в такой стране, как Франция, где исполнительная власть имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. постоянно держит в самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и лиц, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частными существованиями отдельных индивидов, где этот паразитический организм вследствие необычайной централизации стал вездесущим, всеведущим и приобрел повышенную эластичность и подвижность, которые находят себе параллель лишь в беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформенности действительного общественного организма, — в такой стране само собой ясно, что Национальное собрание вместе с правом раздачи министерских портфелей теряет всякое действительное влияние, если оно в то же время не упрощает государственного управления, не уменьшает, насколько это возможно, армии чиновников, не дает, наконец, гражданскому обществу и общественному мнению создать свои собственные, не зависящие от правительственной власти, органы. Но материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров. С другой стороны, политический интерес буржуазии заставлял ее с каждым днем все более усиливать репрессии, т. е. ежедневно увеличивать средства и личный состав государственной власти, и в то же время вести непрерывную войну против общественного мнения и из недоверия калечить и парализовать самостоятельные органы общественного движения, если ей не удавалось их целиком ампутировать. Таким образом, классовое положение французской буржуазии заставляло ее, с одной стороны, уничтожать условия существования всякой, а следовательно, и своей собственной парламентской власти, а с другой стороны, делать неодолимой враждебную ей исполнительную власть.

Новое министерство называлось министерством д'Опуля. Это вовсе не значит, что генерал д'Опуль получил пост премьера. С отставкой Барро Бонапарт даже отменил этот пост, фактически обрекавший президента республики на узаконенно ничтожную роль конституционного короля, но конституционного короля без трона и короны, без скипетра и меча, без привилегии неприкосновенности, без наследственного обладания высшим государственным саном и — что всего хуже — без гражданского листа. Министерство д'Опуля имело в своем составе только одного человека с парламентским именем, ростовщика Фульда, одного из самых опороченных членов финансовой аристократии. Ему достался портфель министра финансов. Достаточно заглянуть в курсовые бюллетени парижской биржи, чтобы убедиться, что с 1 ноября 1849 г. французские ценные бумаги поднимаются и падают вместе с повышением и падением акций Бонапарта. Найдя, таким образом, себе союзника на бирже, Бонапарт одновременно забрал в свои руки и полицию, назначив Карлье префектом парижской полиции.

Однако последствия смены министерства могли обнаружиться лишь в ходе дальнейшего развития. Пока что Бонапарт сделал только один шаг вперед, чтобы тем очевиднее быть отброшенным вспять. За его грубым посланием последовало крайне холопское изъявление покорности Национальному собранию. Каждый раз, когда министры осмеливались сделать робкую попытку придать его личным причудам форму законопроектов, они, казалось, нехотя, единственно в силу своего положения, исполняли комические поручения, в безуспешности которых они заранее были уверены. Каждый раз, когда Бонапарт за спиной министров выбалтывал свои намерения и играл своими «наполеоновскими идеями», его собственные министры отрекались от него с трибуны Национального собрания. Казалось, что его узурпаторские вождения высказывались только для того, чтобы не смолкал злорадный смех его противников. Он разыгрывал непризнанного гения, которого весь мир выставляет простофилей. Никогда еще не был он объектом более глубокого презрения со стороны всех классов, чем в этот период. Никогда еще буржуазия не господствовала более безусловно; никогда еще она не выставляла напоказ знаки своего господства с большим чванством.

В мою задачу не входит писать здесь историю ее законодательной деятельности, исчерпывающейся в этот период двумя законами: законом, восстанавливающим налог на вино, и законом об образовании, отменяющим неверие. Затрудняя французам потребление вина, буржуазия зато щедрее угощала их водицей праведной жизни. Объявляя налогом на вино неприкосновенной старую, ненавистную налоговую систему, буржуазия стремилась законом об образовании сохранить в массах старое состояние умов, которое позволяло им терпеть эту налоговую систему. Удивляются, что орлеанисты, либеральные буржуа — эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии, — вверяют духовное руководство французам своим закоренелым врагам — иезуитам. Но ведь и орлеанисты и легитимисты при всех их расхождениях в вопросе о претенденте на корону понимали, что их совместное господство требовало соединения орудий гнета двух эпох, что надо было дополнить и усилить средства порабощения Июльской монархии средствами порабощения Реставрации.

Крестьяне, обманутые во всех своих надеждах, более чем когда-либо страдающие от низких хлебных цен, с одной стороны, и растущей тяжести налогов и ипотечного долга — с другой, зашевелились в департаментах. Им ответили травлей школьных учителей, подчинив их духовенству, травлей мэров, подчинив их префектам, наконец, системой шпионажа, которой были подчинены все. В Париже и в больших городах сама реакция носит отпечаток своей эпохи и скорее раздражает, нежели подавляет. В деревне она становится пошлой, низкой, мелочной, утомительной, назойливой, одним словом — жандармом. Понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы.

Несмотря на всю страстность и декламацию, которые партия порядка пускала в ход с трибуны Национального собрания против меньшинства, ее речь оставалась односложной,

как речь христианина, чье слово должно быть: да-да, нет-нет! Односложной и на трибуне и в прессе; плоской, как загадка, решение которой известно наперед. Шло ли дело о праве подавать петиции или о налоге на вино, о свободе печати или о свободе торговли, о клубах или муниципальном устройстве, об обеспечении свободы личности или об определении государственного бюджета, — один и тот же пароль раздавался неизменно, тема всегда оставалась та же самая, приговор был всегда готов и неизменно гласил: «Социализм!» Социализмом объявлялся даже буржуазный либерализм, социализмом — буржуазное просвещение, социализмом — буржуазная финансовая реформа. Социализм — строить железную дорогу там, где есть уже канал, социализм — обороняться палкой от нападающего со шпагой.

Это но было только голой фразой, модой, приемом в партийной борьбе. Буржуазия правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Она поняла, что все так называемые гражданские свободы и органы прогресса посягали на его классовое господство и угрожали ему как со стороны его социальной основы, так и со стороны его политической верхушки, следовательно, стали «социалистическими». В этой угрозе и в этом посягательстве она справедливо видела тайну социализма, оценивая его смысл и тенденцию вернее, чем оценивает сам себя так называемый социализм, который из-за этого не может понять, почему буржуазия упорно отворачивается от него, — все равно, предается ли он сентиментальному оплакиванию страданий человечества, или христианской проповеди о тысячелетнем царстве и всеобщей братской любви, или гуманистической болтовне о духе, образовании, свободе, или же доктринерскому измышлению системы примирения и благополучия всех классов. Не поняла буржуазия одного — что, последовательно рассуждая, ее собственный парламентарный режим, ее политическое господство вообще должно теперь также подвергнуться всеобщему осуждению как нечто социалистическое. Пока господство буржуазии не организовалось вполне, не нашло своего чистого политического выражения, антагонизм между другими классами и буржуазией также не мог выступить в чистом виде, а там, где он выступал, не мог принять того опасного оборота, при котором всякая борьба против государственной власти превращается в борьбу против капитала. Если буржуазия видела в каждом проявлении общественной жизни опасность для «спокойствия», — как же она могла желать сохранить во главе общества режим беспокойства, свой собственный режим, парламентарный режим, живущий — по выражению одного из ее ораторов — в борьбе и посредством борьбы? Как может парламентарный режим, живущий прениями, запретить прения? Всякий интерес, всякое общественное мероприятие превращается здесь в общую идею и трактуется как идея, — как же может при таких условиях какой-либо интерес, какое-либо мероприятие ставиться выше мышления и навязываться как символ веры? Ораторская борьба на трибуне вызывает борьбу газетных писак, дискуссионный клуб парламента необходимо дополняется дискуссионными клубами в салонах и трактирах; депутаты, постоянно апеллирующие к народному мнению, дают тем самым право народному мнению высказывать свое действительное мнение в петициях. Парламентарный режим предоставляет все решению большинства, — как же не захотеть огромному большинству вне парламента также выносить решения? Если вы на вершине государства играете на скрипке, то можете ли вы удивляться, что стоящие внизу пляшут?

Итак, осуждая как «социализм» то, что она раньше превозносила как «либерализм», буржуазия признает, что ее собственные интересы предписывают ей спастись от опасности собственного правления; что для восстановления спокойствия в стране надо прежде всего успокоить ее буржуазный парламент; что для сохранения в целостности ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть; что отдельные буржуа могут продолжать эксплуатировать другие классы и невозмутимо наслаждаться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь при условии, что буржуазия как класс, наряду с другими классами,

будет осуждена на одинаковое с ними политическое ничтожество, что для спасения ее кошелек с нее должна быть сорвана корона, а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, повиснуть над ее собственной головой.

В области общих интересов буржуазии Национальное собрание оказалось настолько бездейственным, что, например, прения о постройке железной дороги между Парижем и Авиньеном, начатые зимой 1850 г., не были доведены до конца еще 2 декабря 1851 года. Там, где Собрание не угнетало, не действовало реакционно, оно страдало неизлечимым бесплодием.

В то время как министерство Бонапарта отчасти являлось инициатором законов в духе партии порядка, отчасти еще усиливало жестокость применения этих законов на практике, — Бонапарт со своей стороны пытался приобрести популярность посредством детски-нелепых проектов, подчеркивая свою враждебность к Национальному собранию и намекая на какой-то таинственный клад и па то, что лишь обстоятельства пока мешают раскрыть спрятанные в нем сокровища для французского народа. Сюда относится предложение повысить жалованье унтер-офицерам на четыре су в день и проект «ссудного банка чести» для рабочих. Денежные подачки и денежные ссуды — такова была перспектива, которой он рассчитывал соблазнить массы. Дарить и давать займы — в этом все финансовое искусство люмпен-пролетариата, знатного и незнатного. Только эти пружины Бонапарт и умел пускать в ход. Никогда еще ни один претендент не спекулировал так пошло на пошлости толпы.

Национальное собрание не раз приходило в бешенство от этих несомненных попыток Бонапарта приобрести популярность за его счет, при все усиливающейся опасности, что этот авантюрист, подхлестываемый долгами и отнюдь не стяжавший себе репутации, которую стоило бы беречь, отважится на какую-нибудь отчаянную проделку. Разногласия между партией порядка и президентом уже приняли было угрожающий характер, когда неожиданное событие заставило его снова покаянно броситься в ее объятия. Мы говорим о дополнительных выборах 10 марта 1850 года. Эти выборы состоялись для замены депутатов, которые после 13 июня попали в тюрьму или в изгнание. Париж выбрал только кандидатов социально-демократической партии. Более того: он дал наибольшее число голосов участнику июньского восстания 1848 года Дефлотту. Так соединившаяся с пролетариатом парижская мелкая буржуазия отомстила за свое поражение 13 июня 1849 года. Мелкая буржуазия, казалось, исчезла в минуту опасности с арены борьбы лишь для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах снова появиться на ней с большими боевыми силами и с более смелым боевым лозунгом. Одно обстоятельство, казалось, еще более усиливало опасный характер этой избирательной победы: армия в Париже голосовала за июньского повстанца против министра Бонапарта Лаита, а в департаментах — большей частью за монтаньяров, которые и здесь, хотя и не с таким решительным перевесом, как в Париже, одержали верх над противниками.

Бонапарт внезапно увидел себя опять лицом к лицу с революцией. Как 29 января 1849 г., как 13 июня 1849 г., так и 10 марта 1850 г. он спрятался за спину партии порядка. Он смирился, малодушно просил прощения, выражал готовность составить любое министерство по приказанию парламентского большинства, более того: умолял орлеанистских и легитимистских главарей — Тьеров, Берье, Брольи, Моле — словом, так называемых бурбурграфов, стать самолично у государственного кормила. Партия порядка не сумела воспользоваться этой неповторимой минутой. Вместо того чтобы смело завладеть предложенной властью, она даже не заставила Бонапарта вернуть удаленное им 1 ноября министерство; она довольствовалась тем, что унизила его своим прощением и ввела в министерство д'Опуля г-на Бароша. Этот Барош в качестве прокурора в свое время неистовствовал перед Верховным судом в Бурже против революционеров 15 мая, позже — против демократов 13 июня, в обоих случаях обвиняя их в покушении на Национальное собрание. Впоследствии ни один из министров Бонапарта не сделал больше Бароша для того, чтобы унижить Национальное собрание, а после 2 декабря 1851 г. мы встречаем его вновь в высокопоставленной и высокооплачиваемой должности вице-президента сената. Он

наплевал революционерам в суп, чтобы Бонапарт съел его.

Социально-демократическая партия со своей стороны, казалось, искала лишь случая, чтобы снова поставить на карту свою победу и ослабить ее значение. Видаль, один из новоизбранных парижских депутатов, был одновременно выбран и в Страсбурге. Его убедили отказаться от парижского мандата в пользу страсбургского. Итак, вместо того чтобы придать своей победе на выборах окончательный характер и тем самым вызвать партию порядка на немедленную борьбу в парламенте, вместо того чтобы вынудить противника к борьбе в минуту народного энтузиазма и благоприятного настроения армии, — демократическая партия утомляла Париж в течение марта и апреля новой избирательной агитацией; она дала возбужденным народным страстям истощиться в этой новой временной избирательной игре, приглушила революционную энергию конституционными успехами, растратила ее на мелкие интриги, пустую декламацию и видимость движения, дала буржуазии время прийти в себя и принять свои меры, ослабила, наконец, значение мартовских выборов сентиментальным комментарием дополнительных апрельских выборов — избранием Эжена Сю. Одним словом, она проделала над 10 марта первоапрельскую шутку.

Парламентское большинство поняло слабость своего противника. Семнадцать бургграфов партии порядка — ибо Бонапарт предоставил ей руководство и ответственность за атаку — выработали новый избирательный закон, докладывать о котором было поручено г-ну Фоте, выпросившему себе эту честь. 8 мая Фошо внес закон, который отменял всеобщее избирательное право и требовал от избирателей трехлетнего проживания в той местности, где они избирали, причем установление срока проживания рабочих в этой местности было поставлено в зависимость от свидетельства их работодателей.

Демократы, которые так революционно волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы, теперь, когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, столь же конституционно проповедовали порядок, величественное спокойствие (*calme majestueux*), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контрреволюции, именовавшей себя законом. Во время прений Гора стыдила партию порядка, противопоставляя ее революционной страстности бесстрашие честного обывателя, остающегося на законной почве, и поражая ее насмерть страшным упреком в революционном образе действий. Даже новоизбранные депутаты старались показать приличным и рассудительным поведением, насколько несправедливо было поносить их как анархистов и толковать их избрание как победу революции. 31 мая прошел новый избирательный закон. Гора удовольствовалась тем, что сунула исподтишка протест президенту. За избирательным законом последовал новый закон о печати, окончательно уничтоживший революционную прессу. Последняя заслужила свою участь. После этого потопа самыми крайними форпостами революции остались два буржуазных органа: «National» и «Presse».

Мы видели, что демократические вожди в марте и в апреле сделали все, чтобы вовлечь парижский народ в мнимую борьбу, подобно тому как они после 8 мая делали все, чтобы удержать его от действительной борьбы. К тому же не надо забывать, что 1850 год был временем редкого промышленного и торгового процветания, так что парижский пролетариат имел работы вдоволь. Но избирательный закон 31 мая 1850 г. отстранил пролетариат от всякого участия в политической власти, отрезал ему даже доступ к полю битвы. Этот закон вернул рабочих к положению париев, которое они занимали до февральской революции. Предоставляя, в момент таких событий, руководить собой демократическим вождям, забывая о революционных интересах своего класса из-за минутного благополучия, они отказались от чести быть завоевательной силой, покорились своей судьбе, показали, что июньское поражение 1848 г. сделало их на долгие годы небоеспособными, что исторический процесс в ближайшее время опять должен совершаться помимо них. Что же касается мелкобуржуазной демократии, кричавшей 13 июня: «Пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только!», то теперь она утешалась тем, что удар, нанесенный ей

контрреволюционерами, — вовсе не удар, а закон 31 мая — вовсе не закон. Во второе воскресенье мая 1852 г. каждый француз явится на место выборов с избирательным бюллетенем в одной руке и с мечом в другой. Этим пророчеством она сама себя утешала. Наконец, армия была наказана начальством за мартовские и апрельские выборы 1850 г. так же, как за выборы 28 мая 1849 года. Но на этот раз она решительно сказала себе: «В третий раз революция нас не проведет!».

Закон 31 мая 1850 г. был *coup d'etat* буржуазии. Все ее прежние победы над революцией носили лишь временный характер. Они делались сомнительными, как только существующее в данный момент Национальное собрание уходило со сцены. Они зависели от случайностей новых общих выборов, а история выборов со времени 1848 г. неопровержимо доказала, что моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как крепла ее фактическая власть. Всеобщее избирательное право 10 марта прямо высказалось против господства буржуазии, — буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы. С другой стороны, конституция требовала, для того чтобы выборы президента республики были признаны действительными, минимума в два миллиона голосов. В случае если бы никто из кандидатов в президенты не получил этого минимума голосов, Национальному собранию предоставлялось право выбрать президентом одного из пяти кандидатов, получивших наибольшее число голосов. В то время, когда Учредительное собрание составляло этот закон, в избирательных списках числилось 10 миллионов избирателей. Следовательно, по смыслу закона, для признания президентских выборов действительными достаточно было пятой части всех пользующихся избирательным правом. Закон 31 мая вычеркнул из избирательных списков по меньшей мере 3 миллиона голосов, сократил число избирателей до 7 миллионов, но тем не менее оставил в силе законный минимум в 2 миллиона для президентских выборов. Таким образом законный минимум с одной пятой повысился почти до одной трети всех избирательных голосов. Другими словами, этот закон сделал все, чтобы передать контрабандой президентские выборы из рук народа в руки Национального собрания. Итак, партия порядка, казалось, вдвойне укрепила свою власть избирательным законом 31 мая, передав выборы депутатов Национального собрания и выборы президента республики в руки консервативной части общества.

Часть V

Борьба между Национальным собранием и Бонапартом вспыхнула снова, как только миновал революционный кризис и было отменено всеобщее избирательное право.

Конституция назначила Бонапарту содержание в 600 000 франков. Не прошло и полугодия со времени его вступления на пост президента, как ему удалось увеличить эту сумму вдвое. Одилон Барро добился от Учредительного собрания ежегодной прибавки в 600 000 франков на так называемые расходы по представительству. После 13 июня Бонапарт выступил с подобными же претензиями, на которые, однако, Барро на этот раз не откликнулся. Теперь, после 31 мая, Бонапарт немедленно воспользовался благоприятным моментом и через своих министров потребовал у Национального собрания гражданский лист в 3 миллиона франков в год. Долгая бродяжническая жизнь авантюриста наделила его крайне тонким чутьем к критическим моментам, когда можно было вымогать деньги у буржуа. Он занимался форменным шантажом. Национальное собрание, с его помощью и с его ведома, осквернило суверенитет народа. Он угрожал предать это преступление суду народа, если Собрание не раскошелится и не купит его молчание за 3 миллиона франков в год. Собрание отняло у 3 миллионов французов право голоса, — он требовал за каждого политически обесцененного француза полноценный франк, итого 3 миллиона франков. Он, избранник 6 миллионов, требовал возмещения за голоса, отнятые у него задним числом. Комиссия Национального собрания отказала нахалу. Бонапартистская пресса стала угрожать. Могло ли Национальное собрание порвать с президентом республики в такую минуту, когда оно

принципиально и окончательно порвало с массой нации? Оно, правда, отвергло ежегодный гражданский лист, но зато вотировало единовременную дополнительную сумму в 2 160 000 франков. Согласившись дать деньги, но вместе с тем показывая своим раздражением, что оно уступает против воли. Собрание обнаружило этим двойную слабость. Зачем Бонапарту нужны были эти деньги, мы увидим дальше. После этого последовавшего непосредственно за отменой всеобщего избирательного права досадного эпилога, в котором Бонапарт сменил по отношению к узурпаторскому парламенту свой смиренный тон времен мартовского и апрельского кризиса на вызывающе-нахальный тон, — Национальное собрание прервало свои заседания на три месяца, с II августа до II ноября. Оно оставило вместо себя постоянную комиссию из 28 членов, среди которых не было ни одного бонапартиста, зато было несколько умеренных республиканцев. Постоянная комиссия 1849 г. состояла исключительно из представителей партии порядка и бонапартистов. Но тогда партия порядка объявила себя постоянной противницей революции, — теперь парламентарная республика объявила себя постоянной противницей президента. После проведения закона 31 мая партия порядка должна была считаться лишь с этим соперником.

Когда Национальное собрание в ноябре 1850 г. снова собралось, положение было такое, что, казалось, вместо прежних мелких стычек между парламентом и президентом неизбежно должно было начаться крупное сражение, беспощадная борьба двух властей не на жизнь, а на смерть.

Как в 1849 г., так и на этот раз во время парламентских каникул партия порядка распалась на отдельные фракции, каждая из которых занималась собственными реставраторскими интригами, получившими новую пищу благодаря смерти Луи-Филиппа. Король легитимистов, Генрих V, назначил даже составленное по всей форме министерство, которое пребывало в Париже и в состав которого входили некоторые члены постоянной комиссии. Бонапарт был, следовательно, вправе, со своей стороны, совершать турне по французским департаментам и, смотря по настроению ошарашенного его посещением города, более или менее откровенно выбалтывать свои собственные реставраторские планы и вербовать голоса в свою пользу. Во время этих поездок, прославляемых, разумеется, как триумфальные шествия большим официальным вестником — газетой «*Moniteur*» и маленькими частными вестниками Бонапарта, его всюду сопровождали члены Общества 10 декабря. Это общество возникло в 1849 году. Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют *la bohème*. Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, «благотворительного общества», поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность убогатиться за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящийся только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт, Бонапарт *sans phrases*. Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости. Так, в походе на Страсбург прирученный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла. Во время своей высадки в Булони он на нескольких лондонских лакеев напялил французские

мундиры; они представляли армию. В своем Обществе 10 декабря он собирает 10 000 бездельников, которые должны представлять народ, подобно тому как ткач Основа собирався представлять льва. В такой момент, когда буржуазия сама играла чистейшую комедию, правда, с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета, когда она сама была наполовину одурачена, наполовину убеждена в торжественности своего собственного лицедейства, — в такой момент авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить. Лишь после того, как он справился со своим напыщенным противником и, в свою очередь, принял всерьез свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном, — лишь тогда он становится жертвой своего собственного мировоззрения, превращается в серьезного шута, теперь уже не всемирную историю считающего комедией, а свою комедию — всемирной историей. Чем для социалистических рабочих были национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев мобильная гвардия, тем было для Бонапарта Общество 10 декабря, эта характерная для него партийная боевая сила. Во время его поездок члены этого общества, размещенные группами по железнодорожным станциям, должны были служить ему импровизированной публикой, изображать народный энтузиазм, реветь: «Vive l'Empereur!», оскорблять и избивать республиканцев — разумеется, под покровительством полиции. При его возвращениях в Париж они должны были образовать авангард, они должны были предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Общество 10 декабря принадлежало ему, было его творением, его доподлинно собственной идеей. Во всем остальном то, что он приписывает себе, досталось ему в силу обстоятельств, то, что он делает, делают за него обстоятельства или же он довольствуется тем, что копирует деяния других; но открыто сыпать перед буржуа официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а втайне опираться на общество Шуфтерле и Шпигельбергов, на общество беспорядка, проституции и воровства — тут Бонапарт оригинален, и история Общества 10 декабря — его собственная история. Произошел даже такой исключительный случай: под палки членов Общества 10 декабря попало несколько депутатов из партии порядка. Более того: полицейский комиссар Йон, которому была поручена охрана безопасности Национального собрания, доложил постоянной комиссии на основании показаний некоего Але, что одна из секций Общества 10 декабря постановила убить генерала Шангарнье и председателя Национального собрания Дюпена и уже назначила для исполнения этого определенных лиц. Можно себе представить, как перепугался г-н Дюпен. Парламентское обследование Общества 10 декабря, т. е. разоблачение бонапартовского тайного мира, казалось неминуемым. И вот перед самым открытием Национального собрания Бонапарт предусмотрительно распустил свое общество, но, разумеется, только на бумаге, так как еще в конце 1851 г. префект полиции Карлье тщетно старался в обстоятельной докладной записке побудить его действительно разогнать Общество 10 декабря.

Обществу 10 декабря предстояло до тех пор оставаться частной армией Бонапарта, пока ему не удастся превратить государственную армию в Общество 10 декабря. Первую попытку в этом направлении Бонапарт сделал вскоре после закрытия заседаний Национального собрания, и притом на вырванные у него же деньги. Как фаталист он верит, что существуют некие высшие силы, которым человек, а особенно солдат, противостоять не может. К этим силам он прежде всего относит сигары и шампанское, холодную дичь и колбасу с чесноком. Поэтому он начал с того, что угостил офицеров и унтер-офицеров сигарами и шампанским, холодной дичью и колбасой с чесноком в залах Клизойского дворца. 3 октября он повторил этот маневр с войсками на смотре в Сен-Море, а 10 октября — тот же маневр в еще большем масштабе на генеральном смотре в Сатори. Дядя вспоминал о военных походах Александра в Азии, племянник — о завоевательных походах Вакха в той же стране. Александр был, правда, полубог, но ведь Вакх был настоящий бог, и притом бог-покровитель Общества 10 декабря.

После смотра 3 октября постоянная комиссия призвала к ответу военного министра

д'Опуля. Он обещал, что подобные нарушения дисциплины больше не повторятся. Известно, как Бонапарт 10 октября сдержал слово, данное д'Опулем. На обоих смотрах командовал Шангарнье в качестве верховного командующего войсками Парижа. Этот Шангарнье, в одно и то же время член постоянной комиссии, командующий национальной гвардией, «спаситель» 29 января и 13 июня, «оплот общества», кандидат партии порядка в президенты, предполагаемый Монк двух монархий, до этого времени никогда не признавал себя подчиненным военному министру, всегда открыто издевался над республиканской конституцией, преследовал Бонапарта двусмысленно-высокомерным покровительством. Теперь же он пылко стал на защиту дисциплины против военного министра и конституции против Бонапарта. В то время как 10 октября часть кавалерии кричала: «Vive Napoleon! Vivent les saucissons!», Шангарнье сумел так распорядиться, что по крайней мере пехота, дефилировавшая под командой его друга Неймейера, хранила гробовое молчание. В наказание военный министр, по наущению Бонапарта, лишил генерала Неймейера его парижского поста под предлогом назначения его командующим 14-й и 15-й армейскими дивизиями. Неймейер отказался от перемены поста и должен был в силу этого выйти в отставку. Шангарнье, со своей стороны, 2 ноября издал приказ, воспрещавший войскам всякие политические возгласы и демонстрации в строю. Елисейские газеты напали на Шангарнье, газеты партии порядка — на Бонапарта, постоянная комиссия назначала одно за другим закрытые заседания, на которых снова и снова вносилось предложение объявить отечество в опасности; армия, казалось, разделилась на два враждебных лагеря с двумя враждебными генеральными штабами, из которых один заседал в Елисейском дворце — резиденции Бонапарта, а другой в Тюильри — резиденции Шангарнье. Открытие Национального собрания должно было, по-видимому, подать сигнал к боевым действиям. Французская публика судила об этих столкновениях между Бонапартом и Шангарнье так же, как тот английский журналист, который охарактеризовал положение следующим образом: «Политические горничные Франции выметают раскаленную лаву революции старыми вениками и при этом ведут между собой перебранку».

Тем временем Бонапарт поспешил дать отставку военному министру д'Опулю, отправить его немедленно в Алжир и назначить вместо него военным министром генерала Шрамма. 12 ноября он обратился к Национальному собранию с посланием, по-американски пространном, загроможденном мелочами, пропитанным запахом порядка, жаждущим примирения, дышащим покорностью конституции, трактующим решительно обо всем, только не о *questions brulantes* текущего момента. Как бы мимоходом бросил он замечание, что, согласно точному смыслу конституции, распоряжение армией принадлежит исключительно президенту. Послание кончалось следующими высокаторжественными словами: «Франция требует прежде всего спокойствия... Я один связан присягой, я буду держаться в тесных границах, предписанных мне ею... Что касается меня, я, избранный народом и обязанный моей властью ему одному, всегда буду подчиняться его законно выраженной воле. Если вы в этой сессии примете решение о пересмотре конституции, — то тогда Учредительное собрание урегулирует положение исполнительной власти. Если же нет, — народ в 1852 г. торжественно провозгласит свое решение. Но каковы бы ни были решения, таящиеся в будущем, придемте к соглашению, дабы страсть, неожиданность или насилие никогда не являлись вершителями судеб великой нации... Мое внимание прежде всего обращено не на то, кто будет управлять Францией в 1852 г., а на то, чтобы употребить имеющееся в моем распоряжении время так, чтобы переходный период прошел без волнений и смятения. Я искренне раскрыл перед вами свое сердце. Вы ответите на мою откровенность вашим доверием, на мои благие стремления — вашим содействием, а бог позаботится об остальном».

Добропорядочный, лицемерно-умеренный, добродетельно-банальный язык буржуазии обнаруживает свой глубочайший смысл в устах самодержца Общества 10 декабря и героя пикников в Сон-Море и Сатори.

Бургграфы партии порядка ни минуты не заблуждались насчет того, какого доверия

заслуживают эти сердечные излияния. Присяги им давно уже приелись, они насчитывали в своей среде ветеранов, виртуозов политического клятвopеступления, а слова, касавшиеся армии, не ускользнули от их внимания. Они с негодованием заметили, что послание, пространно перечислявшее недавно изданные законы, обходило нарочитым молчанием самый важный из них — избирательный закон; более того: в случае отказа от пересмотра конституции оно предоставляло выборы президента в 1852 г. народу. Избирательный закон был свинцовым грузом на ногах партии порядка, мешавшим ей двигаться, а тем более штурмовать! К тому же Бонапарт официальным роспуском Общества 10 декабря и увольнением военного министра д'Опуля собственными руками принес в жертву на алтарь отечества козлов отпущения. Он устранил самый острый пункт ожидаемого столкновения. Наконец, сама партия порядка трусливо старалась обойти, смягчить, замять всякий решительный конфликт с исполнительной властью. Из боязни потерять завоеванное в борьбе с революцией она дала сопернику присвоить себе плоды ее завоеваний. «Франция требует прежде всего спокойствия». Так кричала революции партия порядка начиная с февраля, так же кричал партии порядка теперь Бонапарт в своем послании. «Франция требует прежде всего спокойствия». Бонапарт предпринял действия, направленные к узурпации, но партия порядка оказывалась виновницей «беспокойства», когда она поднимала шум из-за этих поступков и истолковывала их ипохондрически. Саторийские колбасы были немы, как рыбы, если только о них никто не говорил. «Франция требует прежде всего спокойствия». Поэтому Бонапарт требовал, чтобы ему дали спокойно обделывать свои дела, а парламентская партия была парализована двойным страхом — страхом снова вызвать революционное беспокойство и страхом оказаться виновницей беспокойства в глазах своего собственного класса, и глазах буржуазии. Так как Франция требовала, прежде всего, спокойствия, то партия порядка не посмела ответить «войной» на «мир» бонапартовского послания. Публика, рассчитывавшая на крупные скандалы при открытии Национального собрания, была обманута в своих ожиданиях. Требование оппозиционных депутатов, чтобы постоянная комиссия представила свои протоколы относительно октябрьских событий, было отвергнуто большинством. Собрание принципиально избегало всяких дебатов, которые могли вызвать возбуждение. Деятельность Национального собрания в ноябре и декабре 1850 г. лишена какого-либо интереса.

Только к концу декабря начался ряд мелких стычек из-за отдельных прерогатив парламента. Движение измельчало, свелось к ничтожным дрызгам из-за прерогатив обеих властей, с тех пор как буржуазия отменой всеобщего избирательного права на ближайшее время отделалась от классовой борьбы.

Одному депутату, Могену, за долги был вынесен судебный приговор. На запрос председателя суда министр юстиции Руэ заявил, что следует без дальнейших церемоний издать приказ об аресте должника, — и Моген был заключен в долговую тюрьму. Национальное собрание вознегодовало, узнав об этом посягательстве на неприкосновенность депутатов. Оно не только постановило немедленно освободить арестованного, но в тот же вечер с помощью своего пристава силой вывело его из Клиши. Но, с другой стороны, чтобы доказать свою веру в святость частной собственности, а также с задней мыслью, в случае надобности, иметь готовое пристанище для ставших докучливыми монтаньяров. Собрание объявило арест депутатов за долги дозволенным после предварительно испрошенного у него согласия. Оно забыло декретировать, что и президент может быть заключен в тюрьму за долги. Оно уничтожило последний намек на неприкосновенность своих собственных членов.

Как уже было сказано, полицейский комиссар Йон на основании показаний некоего Але донес о замышляемом одной из секций Общества 10 декабря убийстве Дюпена и Шангарнье. Ввиду этого квесторы на первом же заседании внесли предложение образовать особую парламентскую полицию, содержащуюся на средства собственного бюджета Национального собрания и совершенно независимую от префекта полиции. Министр внутренних дел Барош заявил протест против этого вторжения в его ведомство. Тогда был заключен жалкий компромисс, согласно которому полицейский комиссар парламента хотя и

должен был содержаться за счет бюджета парламента, а также назначаться и смещаться парламентскими квесторами, но лишь после предварительного согласования с министром внутренних дел. Тем временем правительство подвергло Але судебному преследованию, а тут уж было нетрудно объявить его показания мистификацией и устами прокурора выставить в смешном виде Дюпена, Шангарнье, Йона и все Национальное собрание. После этого, 29 декабря, министр Барош пишет Дюпену письмо, в котором требует смещения Йона. Бюро Национального собрания решает оставить Йона в должности, но Национальное собрание, испугавшись своего насильственного образа действий в деле Могена, привыкшее после каждого удара, нанесенного им исполнительной властью, получать от нее два удара сдачи, не санкционирует этого решения. Собрание дает Йону отставку в награду за его служебное усердие и лишает себя парламентской прерогативы, совершенно необходимой, когда приходится иметь дело с человеком, который не обдумывает ночью, что он будет делать днем, а напротив, днем обдумывает и ночью приводит свои планы в исполнение.

Мы видели, как Национальное собрание в продолжение ноября и декабря уклонялось и всячески воздерживалось от борьбы с исполнительной властью, когда для этого имелись серьезные, настоятельные причины. Теперь мы видим, как оно вынуждено принимать бой по самым ничтожным поводам. В деле Могена оно в принципе разрешило арест депутатов за долги, оставив за собой, однако, возможность применять этот принцип только к ненавистным депутатам, и из-за этой позорной привилегии вступило в препирательства с министром юстиции. Вместо того чтобы, воспользовавшись сообщением о готовящемся покушении на убийство, потребовать расследования деятельности Общества 10 декабря и окончательно разоблачить Бонапарта перед лицом Франции и Европы, выставив его в настоящем свете как главу парижского люмпен-пролетариата, Собрание свело конфликт к спору с министром внутренних дел по вопросу о том, кому принадлежит право назначения и смещения полицейского комиссара. Таким образом, мы видим, что партия порядка в продолжение всего этого периода была вынуждена в силу своего двусмысленного положения расплываться, превращать в пустую трескотню свою борьбу против исполнительной власти, сводя ее к мелочным дрязгам из-за пределов компетенции, придиркам, сутяжничеству, спорам о размежевании и делая вопросы пустой формалистики содержанием своей деятельности. Она не осмеливается принять бой в тот момент, когда борьба имеет принципиальное значение, когда исполнительная власть действительно скомпрометировала себя, когда дело Национального собрания было бы национальным делом: партия порядка этим ведь подала бы нации сигнал к выступлению, а она ничего так не боится, как привести в движение нацию. Поэтому в таких случаях она отвергает предложение Горы и переходит к очередным делам. После того как партия порядка отказалась от борьбы в крупном масштабе, исполнительная власть спокойно выжидает момента, когда она снова сможет начать ее по мелким, незначительным поводам, когда борьба представляет, так сказать, лишь парламентский, местный интерес. Тогда прорывается затаенная ярость партии порядка, тогда она сдергивает полог с кулис, срывает маску с президента, объявляет республику в опасности, но тогда и ее пафос кажется нелепым, повод к борьбе — лицемерным предлогом или вообще не стоящим борьбы. Парламентская буря оказывается бурей в стакане воды, борьба — интригой, конфликт — скандалом. В то время как революционные классы со злорадством следят за унижением Национального собрания, так как они ровно в такой же мере принимают к сердцу его парламентские прерогативы, в какой Собрание — общественные свободы, буржуазия вне парламента не понимает, как это буржуазия внутри парламента может тратить время на столь мелкие дрязги, подвергать опасности спокойствие столь жалким соперничеством с президентом. Она сбита с толку подобной стратегией, при которой заключается мир, когда все ждут войны, и начинается атака в тот момент, когда все думают, что заключен мир.

20 декабря Паскаль Дюпра сделал запрос министру внутренних дел по поводу лотереи золотых слитков. Эта лотерея была «Элизиума дочь». Бонапарт со своими приспешниками подарил ее миру, а префект полиции Карлье взял ее под свое официальное покровительство,

несмотря на то, что французские законы запрещают какие-либо лотереи, за исключением лотерей с благотворительной целью. Было выпущено семь миллионов билетов, по одному франку каждый, выручка же предназначалась якобы на отправку парижских бродяг в Калифорнию. Отчасти имелось в виду вытеснить социалистические мечты парижского пролетариата золотыми мечтами, доктринерское право на труд — соблазнительной перспективой большого выигрыша. Разумеется, парижские рабочие не узнали в блестящих калифорнийских золотых слитках неказистых франков, выуженных из их кармана. Вообще же эта лотерея была простым мошенничеством. Бродягами, желавшими открыть золотоносные рудники в Калифорнии, не покидая Парижа, были сам Бонапарт и его задолжавшая свита. Вотированные Национальным собранием 3 миллиона были растрачены, — так или иначе нужно было снова наполнить опустевшую кассу. Тщетно Бонапарт открыл было для устройства так называемых *cités ouvrières* национальную подписку и выступил сам в роли первого подписчика на крупную сумму. Жестокосердные буржуа недоверчиво выжидали уплаты им суммы, на которую он подписался, и так как такой уплаты, разумеется, не последовало, то спекуляция на социалистических воздушных замках лопнула как мыльный пузырь. Золотые слитки имели больше успеха. Бонапарт и его сообщники не довольствовались тем, что положили себе в карман часть выручки, оставшейся после вычета из семи миллионов франков стоимости подлежащих розыгрышу слитков: они фабриковали фальшивые лотерейные билеты, выпуская на один и тот же номер десять, пятнадцать и даже двадцать билетов — финансовая операция в духе Общества 10 декабря! Тут Национальное собрание имело перед собой не фиктивного президента республики, а подлинного Бонапарта во плоти. Тут оно могло поймать его на месте преступления, преступления не против конституции, а против *Code penal*. Если Собрание ответило на запрос Дюпра переходом к очередным делам, то оно это сделало не только потому, что предложение Жирардени объявить себя «удовлетворенным» напоминало партии порядки о господствовавшей в ее собственной среде систематической коррупции. Буржуа, а особенно буржуа, возведенный в сан государственного мужа, дополняет свою низость в практических делах теоретической высокопарностью. В качестве государственного мужа он, как и противостоящая ему государственная власть, становится высшим существом, с которым можно бороться лишь возвышенным, торжественным образом.

Бонапарт, который как сын богемы, как царственный люмпен-пролетарий имел перед буржуазными плутами то преимущество, что мог вести борьбу низкими средствами, увидел теперь — после того как Собрание собственными руками помогло ему благополучно миновать скользкую почву военных банкетов, смотров, Общества 10 декабря и, наконец, *Code penal*, — что настала минута, когда он может перейти от мнимой обороны к наступлению. Его мало беспокоили происходившие тем временем маленькие поражения министра юстиции, военного министра, морского министра, министра финансов, — поражения, в которых Национальное собрание выражало свое ворчливое неудовольствие. Он не только помешал министрам выйти в отставку и тем самым признать подчиненность исполнительной власти парламенту. Он теперь мог закончить то, что начал во время каникул Национального собрания, — отделение военной власти от парламента: он сместил Шангарнье.

Одна елисейская газета опубликовала изданный в мае будто бы по первой армейской дивизии приказ, — приказ, исходивший, следовательно, от Шангарнье, — в котором офицерам рекомендовалось в случае мятежа не щадить предателей в собственных рядах, немедленно их расстреливать и не посылать войск по требованию Национального собрания. 3 января 1851 г. кабинету министров был сделан запрос по поводу этого приказа. Кабинет министров требует для разбора дела сначала три месяца, затем одну неделю, наконец — только двадцать четыре часа. Собрание настаивает на немедленных объяснениях. Шангарнье поднимается и заявляет, что такого приказа никогда не было. Он добавляет, что всегда готов исполнить требование Национального собрания и что в случае конфликта оно может рассчитывать на него. Собрание встречает это заявление неистовыми аплодисментами и

декретирует вотум доверия Шангарнье. Отдавая себя под частное покровительство генерала, Собрание отрекается от власти, декретирует свое собственное бессилие и всемогущество армии; но генерал ошибается, предоставляя в распоряжение парламента против Бонапарта силу, которую он получил от того же Бонапарта лишь в ленное пользование, и ожидая, в свою очередь, защиты со стороны этого парламента — со стороны своего же нуждающегося в защите подопечного. Однако Шангарнье верит в таинственную силу, которой буржуазия его наделила 29 января 1849 года. Он считает себя третьей властью наряду с двумя другими государственными властями. Он разделяет участь остальных героев или, лучше сказать, святых этой эпохи, величие которых состоит лишь в пристрастно высоком мнении, распространяемом о них их партией, и которые оказываются заурядными фигурами, лишь только обстоятельства требуют от них чудес. Вообще неверие — смертельный враг этих мнимых героев и подлинных святых. Отсюда их благородно-моральное негодование против остряков и насмешников, которым недостает энтузиазма.

В тот же вечер министров приглашают в Елисейский дворец. Бонапарт настаивает на смещении Шангарнье, пять министров отказываются дать свою подпись. «Moniteur» объявляет о министерском кризисе, а пресса партии порядка угрожает образованием парламентской армии под командованием Шангарнье. Партия порядка имела на это право по конституции. Ей стоило только выбрать Шангарнье председателем Национального собрания и вызвать для своей безопасности какое угодно количество войск. Она могла это сделать тем спокойнее, что Шангарнье действительно еще находился во главе армии и парижской национальной гвардии и только того и ждал, чтобы вместе с армией быть призванным на помощь. Бонапартистская пресса еще не решалась даже оспаривать право Национального собрания на непосредственный вызов войск — подобное юридическое сомнение при данных обстоятельствах не сулило никакого успеха. Повиновение армии приказаниям Национального собрания было весьма вероятно, если принять во внимание, что Бонапарту понадобилась целая неделя для того, чтобы в Париже разыскать двух генералов — Бараге д'Илье и Сен-Жан д'Анжели, — изъявивших готовность скрепить своей подписью приказ об увольнении Шангарнье. Но нашла ли бы партия порядка в своих собственных рядах и в парламенте необходимое для такого решения число голосов, это более чем сомнительно, если принять во внимание, что неделю спустя от нее отделились 286 депутатов и что Гора отвергла подобное же предложение даже в декабре 1851 г., в последнюю решительную минуту. Однако бургграфам в тот момент, может быть, удалось бы еще поднять массу своей партии на героический подвиг, состоявший в том, чтобы спрятаться за лесом штыков и воспользоваться услугами армии, дезертировавшей в ее лагерь. Но вместо этого господа бургграфы вечером 6 января отправились в Елисейский дворец, надеясь дипломатическими приемами и доводами отговорить Бонапарта от решения сместить Шангарнье. Кого уговаривают, того признают господином положения. Бонапарт, ободренный этой попыткой бургграфов, назначает 12 января новое министерство, в котором остаются руководители старого министерства — Фульд и Барош. Сен-Жан д'Анжели становится военным министром. «Moniteur» публикует декрет о смещении Шангарнье, должности которого разделяются между Бараге д'Илье, получающим первую армейскую дивизию, и Перро, получающим национальную гвардию. «Оплот общества» получает отставку, и если от этого ни один камень не падает с крыши, то зато поднимаются курсы на бирже.

Отталкивая от себя армию, которая в лице Шангарнье отдается в ее распоряжение, и уступая ее, таким образом, безвозвратно президенту, партия порядка тем самым доказала, что буржуазия потеряла способность к господству. Парламентского министерства уже не существовало. Теперь же, когда партия порядка потеряла власть над армией и национальной гвардией, — какие еще средства принуждения оставались у нее, чтобы одновременно отстоять узурпаторскую власть парламента над народом и конституционную власть парламента от посягательств президента? Никаких. Ей оставалось только взывать к бессильным принципам, которые она сама всегда рассматривала лишь как общие правила, предписываемые третьим лицам, чтобы тем непринужденнее действовать самой. Отставкой

Шангарнье, переходом военной власти в руки Бонапарта заканчивается первый отрезок рассматриваемого нами периода, периода борьбы между партией порядка и исполнительной властью. Теперь война между обеими властями официально объявлена и ведется открыто, но только после того, как партия порядка потеряла и оружие и солдат. Без министерства, без армии, без народа, без общественного мнения, перестав быть со времени изданного им избирательного закона 31 мая представителем суверенной нации, без глаз, без ушей, без зубов, без всего, Национальное собрание мало-помалу превратилось в старофранцузский парламент, предоставляющий правительству действовать, а сам довольствующийся ворчливыми ремонстрациями *post festum*.

Партия порядка встречает новое министерство бурей негодования. Генерал Бедо напоминает о кротости постоянной комиссии во время каникул и о том, что она проявила чрезмерную деликатность, отказавшись обнародовать свои протоколы. Тут министр внутренних дел сам настаивает на публикации этих протоколов, которые теперь, разумеется, потеряли всякий вкус, как застоявшаяся вода, не разоблачая ни одного нового факта и не производя никакого впечатления на пресыщенную публику. По предложению Ромюза, Национальное собрание после обсуждения на комиссиях назначает «Комитет чрезвычайных мер». Париж тем более не выходит из своей обычной колеи, что торговля в это время процветает, промышленные заведения работают, хлебные цены низки, съестные припасы имеются в изобилии, в сберегательные кассы ежедневно поступают новые вклады. «Чрезвычайные меры», о которых парламент возвестил с таким шумом, исчерпываются вотумом недоверия министрам, вынесенным 18 января, причем о генерале Шангарнье не было даже упомянуто. Партия порядка была вынуждена так сформулировать свой вотум, чтобы обеспечить за собой голоса республиканцев, которые из всех мероприятий министерства одобряли как раз одно только смещение Шангарнье, между тем как партия порядка в сущности не могла порицать остальные меры, продиктованные министерству ею самой.

Вотум недоверия 18 января был принят 415 против 286 голосов — стало быть, лишь благодаря коалиции крайних легитимистов и орлеанистов с чистыми республиканцами и Горой. Этим было доказано, что партия порядка потеряла не только министерство, не только армию, но потеряла — в своих конфликтах с Бонапартом — и свое самостоятельное парламентское большинство; что часть депутатов дезертировала из ее лагеря из фанатической склонности к компромиссу, из страха перед борьбой, из слабости, из семейной привязанности к родным государственным окладам, из расчета на освобождающиеся министерские портфели (Одилон Барро), из пошлого эгоизма, всегда побуждающего заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса ради того или другого личного мотива. Бонапартистские депутаты с самого начала шли заодно с партией порядка лишь в борьбе против революции. Глава католической партии, Монталамбер, уже тогда бросил свое личное влияние на чашу весов Бонапарта, так как он изверился в жизнеспособности парламентской партии. Наконец, предводители этой партии, орлеанист Тьер и легитимист Берье, были принуждены открыто объявить себя республиканцами, признать, что хотя они сердцем монархисты, но головой — республиканцы, что парламентарная республика — единственно возможная форма господства буржуазии в целом. Словом, они были принуждены заклеить на глазах у самого класса буржуазии реставраторские планы, над которыми они продолжали неумолимо работать за спиной парламента, как интригу столь же опасную, сколь и бессмысленную.

Вотум недоверия 18 января был ударом для министерства, а не для президента. Но ведь не министерство, а президент сместил Шангарнье. Не следовало ли партии порядка привлечь к ответственности самого Бонапарта? Привлечь к ответственности за его реставраторские вождедения? Но эти вождедения лишь дополняли ее собственные реставраторские вождедения. За его заговорщические действия на военных смотрах и в Обществе 10 декабря? Но она давно похоронила эти вопросы под ворохом повседневных очередных дел. За увольнение героя 29 января и 13 июня, человека, который в мае 1850 г. угрожал в случае

бунта поджечь Париж с четырех концов? Но ее союзники из Горы и Кавеньяк не позволили ей даже поддержать павший «оплот общества» официальным выражением сочувствия. Она сама не могла оспаривать данному президенту конституцией право смещать генералов. Она выходила из себя лишь потому, что президент делал из своего конституционного права противопарламентское употребление. Но не делала ли она сама непрерывно из своей парламентской прерогативы противоконституционного употребления, особенно при отмене всеобщего избирательного права? Ей, следовательно, ничего другого не оставалось, как держаться строго в парламентских рамках. И только своеобразной болезнью, с 1848 г. свирепствовавшей на всем континенте, — парламентским кретинизмом, который пораженных им держит в плену воображаемого мира и лишает всякого рассудка, всякой памяти, всякого понимания грубого внешнего мира, — только этим парламентским кретинизмом объясняется, что партия порядка, которая собственными руками уничтожила и в своей борьбе с другими классами должна была уничтожить все условия могущества парламента, все еще считала свои парламентские победы победами и думала, что разит президента, нанося удары его министрам. Этим она только доставила президенту случай снова унижить Национальное собрание в глазах нации. 20 января «Moni-tciir» сообщил, что отставка всего министерства принята. Под предлогом, что ни одна парламентская партия уже не имеет большинства, — как это доказало голосование 18 января, этот плод коалиции Горы с роялистами, — и надо выждать образования нового большинства, Бонапарт назначил так называемое переходное министерство, которое не насчитывало в своих рядах ни одного члена парламента и состояло сплошь из неизвестных и ничтожных личностей, — министерство одних приказчиков и писцов. Партия порядка могла теперь растрчивать свои силы на возню с этими марионетками, исполнительная же власть не придавала больше никакого значения тому, чтобы иметь серьезное представительство в Национальном собрании. Бонапарт тем более явно сосредоточивал в своем лице всю исполнительную власть и тем легче ему было использовать ее в своих целях, чем более его министры становились простыми статистами.

Партия порядка в коалиции с Горой в отместку отвергла предложение преподнести президенту дотацию в 1 800 000 франков, предложение, внесенное по приказанию главы Общества 10 декабря его министрами-приказчиками. На этот раз вопрос, был решен большинством всего в 102 голоса — стало быть, с 18 января партия порядка потеряла еще 27 голосов: ее разложение прогрессировало. В то же время, чтобы не дать возникнуть никаким сомнениям насчет смысла ее коалиции с Горой, она не пожелала даже открыть прения по поводу подписанного 189 членами Горы предложения всеобщей амнистии для политических преступников. Достаточно было заявления министра внутренних дел, некоего Ваиса, что спокойствие — лишь мнимое, что разворачивается сильная подпольная агитация, что организуются вездесущие тайные общества, что демократические газеты готовятся снова появиться на свет, что из департаментов приходят неблагоприятные вести, что эмигранты в Женеве стоят во главе заговора, нити которого распространяются через Лион по всей Южной Франции, что Франция находится накануне промышленного и торгового кризиса, что фабриканты города Рубе сократили рабочее время, что арестанты в Бель-Иле взбунтовались, — достаточно было, чтобы даже какой-то Ваис вызвал красный призрак, и партия порядка отвергла без дебатов предложение, которое должно было доставить Национальному собранию огромную популярность и заставить Бонапарта снова броситься в его объятия. Вместо того чтобы дать себя запугать перспективами новых волнений, нарисованными исполнительной властью, партии порядка следовало бы дать некоторый, хотя бы незначительный, простор классовой борьбе и, таким образом, удержать исполнительную власть в зависимом от себя положении. Но она не чувствовала себя в силах справиться с этой задачей игры с огнем.

Между тем так называемое переходное министерство продолжало прозябать до середины апреля. Бонапарт утомлял, дурачил Национальное собрание все новыми министерскими комбинациями. Он выказывал намерение образовать то республиканское

министерство с Ламартином и Бийо, то парламентское министерство с неизбежным Одилоном Барро, имя которого обязательно появляется там, где требуется простофиля, то легитимистское с Ватименилем и Бенуа д'Ази, то орлеанистское с Мальвилем. Настраивая такими приемами различные фракции партии порядка Друг против друга и пугая всю партию порядка перспективой республиканского министерства и неизбежно связанного с этим восстановления всеобщего избирательного права, Бонапарт в то же время внушал буржуазии убеждение в том, что его искренние старания образовать парламентское министерство разбиваются о непримиримость роялистских фракций. Буржуазия же тем громче требовала «сильного правительства», находила тем более непростительным оставлять Францию «без администрации», чем более надвигавшийся, казалось, всеобщий торговый кризис вербовал социализму сторонников в городах, а разорительно низкие хлебные цены — сторонников в деревне. Застой в торговле с каждым днем усиливался, число незанятых рук заметно росло, в Париже сидело без хлеба по меньшей мере 10 000 рабочих, бесчисленное множество фабрик прекратило работу в Руане, Мюлузе, Лионе, Рубе, Туркузне, Сент-Этьенне, Эльбёфе и в других местах. При таких обстоятельствах Бонапарт мог осмелиться 11 апреля восстановить министерство 18 января, присоединив к гг. Руэ, Фульду, Барошу и другим г-на Леона Фоше, которого Учредительное собрание в последние дни своего существования единогласно, за исключением пяти министерских голосов, заклеило вотумом недоверия за распространение ложных телеграфных сообщений. Итак, Национальное собрание одержало 18 января победу над министерством и в течение трех месяцев вело борьбу с Бонапартом только для того, чтобы 11 апреля Фульд и Барош могли принять третьим в свой министерский союз пуританина Фоше.

В ноябре 1849 г. Бонапарт довольствовался непарламентским министерством, в январе 1851 г. — внепарламентским, а 11 апреля он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы образовать антипарламентское министерство, которое гармонически соединило в себе вотумы недоверия обоих собраний — Учредительного и Законодательного, республиканского и роялистского. Эта градация министерств была тем термометром, по которому парламент мог судить о понижении собственной жизненной температуры. Эта температура в конце апреля упала так низко, что Персиньи мог в частном разговоре предложить Шангарнье перейти на сторону президента. Бонапарт, уверял он его, считает влияние Национального собрания окончательно уничтоженным, и уже имеется наготове прокламация, которая будет обнародована после твердо задуманного, но случайно опять отложенного *coup d'état*. Шангарнье известил главарей партии порядка об этом смертном приговоре. Но кто же поверит тому, что укус клопа смертелен? Парламент при всей своей немощи, при всем своем разложении, находясь почти при последнем издыхании, все еще не мог заставить себя видеть в своем поединке с шутовским шефом Общества 10 декабря что-либо иное, чем поединок с клопом. Но Бонапарт ответил партии порядка, как Агесилай царю Агису: «Я кажусь тебе муравьем, но придет время, когда я буду львом».

Часть VI

Коалиция с Горой и с чистыми республиканцами, к которой партия порядка должна была прибегнуть, предпринимая тщетные усилия удержать за собой военную власть и завоевать утраченное верховное руководство исполнительной властью, — эта коалиция неопровержимо доказала, что партия порядка лишилась самостоятельного парламентского большинства. Простая сила календаря, часовая стрелка подала 28 мая сигнал к ее окончательному разложению. 28 мая начался последний год жизни Национального собрания. Ему приходилось теперь решать вопрос, оставить ли конституцию неизменной или подвергнуть ее пересмотру. Но пересмотр конституции — это означало не только выбор между господством буржуазии и господством мелкобуржуазной демократии, между демократией и пролетарской анархией, между парламентарной республикой и Бонапартом: это означало также выбор между Орлеаном и Бурбоном! Так в среду самого парламента

упало яблоко раздора, вокруг которого должна была открыто разгореться борьба интересов, разделявших партию порядка на враждебные фракции. Партия порядка была соединением разнородных общественных элементов. Вопрос о пересмотре конституции создал политическую температуру, при которой это соединение разложилось на свои первоначальные составные части.

Заинтересованность бонапартистов в пересмотре конституции объясняется просто. Они хотели, прежде всего, отменить статью 45, воспрещавшую вторичное избрание Бонапарта и продление его власти. Не менее просто объяснялась позиция республиканцев. Они безусловно отвергали всякий пересмотр, видя в нем всеобщий заговор против республики. Так как они располагали больше чем четвертью голосов Национального собрания, а по конституции необходимы были три четверти всех голосов для принятия правомерного решения о пересмотре и для созыва специального собрания по пересмотру, то им стоило только подсчитать свои голоса, чтобы быть уверенными в победе. И они были уверены в победе.

В противоположность этим ясным позициям партия порядка запуталась в неразрешимых противоречиях. Отвергая пересмотр, она ставила под угрозу существующий порядок, так как оставляла Бонапарту лишь один исход — исход насильственный, и отдавала Францию в решающий момент, во второе воскресенье мая 1852 г., на произвол революционной анархии, с президентом, который утратил власть, с парламентом, который давно уже ее не имел, с народом, который намеревался вновь ее отвоевать. Голосуя за пересмотр конституционным путем, она знала, что голосует напрасно, что ее голосование должно, в соответствии с конституцией, разбиться о вето республиканцев. Объявляя достаточным простое большинство голосов в нарушение конституции, она могла надеяться одолеть революцию лишь при условии своего полного подчинения исполнительной власти; она этим отдавала во власть Бонапарта конституцию, пересмотр конституции и себя самое. Частичный пересмотр, направленный на продление власти президента, подготовлял почву для бонапартистской узурпации. Общий пересмотр, направленный на сокращение жизни республики, неизбежно вел за собой столкновение династических притязаний, так как условия и бурбонской и орлеанистской реставрации не только были различны, но и взаимно исключали друг друга.

Парламентарная республика представляла собой нечто большее, чем нейтральную почву, на которой обе фракции французской буржуазии, легитимисты и орлеанисты — крупная земельная собственность и промышленность — могли хозяйничать рядом, на равных правах. Она была необходимым условием их совместного господства, единственной государственной формой, при которой их общие классовые интересы господствовали как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами общества. Как роялисты они опять впадали в свой старый антагонизм, в борьбу за главенство между земельной собственностью и деньгами, а высшим выражением этого антагонизма, его олицетворением, были их короли, их династии. Этим объясняется, почему партия порядка противилась возвращению Бурбонов.

Орлеанист и депутат Кретон в 1849, 1850 и 1851 гг. регулярно вносил предложение об отмене декрета об изгнании королевских семей. Парламент столь же регулярно представлял зрелище роялистского собрания, упорно закрывавшего своим изгнанным королям путь к возвращению на родину. Ричард III убил Генриха VI, сказав, что он слишком хорош для этого мира и его место на небе. Роялисты признавали Францию слишком дурной, чтобы вернуть ей изгнанных королей. Сила обстоятельств заставила их стать республиканцами и многократно санкционировать народное решение, изгнавшее их королей из Франции.

Пересмотр конституции, — а обстоятельства заставляли ставить этот вопрос на обсуждение, — вместе с республикой подвергал одновременно опасности и совместное господство обеих фракций буржуазии и вместе с возможностью монархии воскрешал соперничество тех интересов, преимущественной представительницей которых она попеременно являлась, воскрешал борьбу за главенство между обеими фракциями

буржуазии. Дипломаты партии порядка надеялись прекратить борьбу путем соединения обеих династий, путем так называемого слияния роялистских партий и их королевских домов. Действительным слиянием Реставрации и Июльской монархии была парламентская республика, в которой стирались орлеанистские и легитимистские цвета и различные виды буржуа растворялись в буржуа вообще, в буржуа как представителе рода. Теперь же орлеанист должен превратиться в легитимиста, а легитимист — в орлеаниста. Монархия, олицетворявшая их антагонизм, должна была стать воплощением их единства; выражение их исключаящих друг друга фракционных интересов должно было стать выражением их общих классовых интересов; монархия должна была выполнить то, что могло быть и было выполнено лишь упразднением обеих монархий, лишь республикой. Таков был философский камень, над открытием которого алхимики партии порядка ломали себе голову. Как будто легитимная монархия может когда-либо стать монархией промышленных буржуа или буржуазная монархия — монархией наследственной земельной аристократии. Как будто земельная собственность и промышленность могут мирно ужиться под одной короной, в то время как корона может увенчать только одну голову — голову старшего или младшего брата. Как будто промышленность вообще может помириться с земельной собственностью, пока земельная собственность не решится сама сделаться промышленной. Умри завтра Генрих V, граф Парижский все-таки не стал бы королем легитимистов, — разве только, если бы он перестал быть королем орлеанистов. Однако философы слияния, которые возвышали свой голос по мере того, как вопрос о пересмотре конституции выдвигался на первый план, которые создали себе из газеты «Assemblée nationale» официальный ежедневный орган и которых мы даже в настоящую минуту (в феврале 1852 г.) снова видим за работой, — объясняли все затруднения сопротивлением и соперничеством обеих династий. И вот попытки примирить дом Орлеанов с Генрихом V, начатые со смерти Луи-Филиппа, но, как и все вообще династические интриги, разыгрываемые лишь во время каникул Национального собрания, в антрактах, за кулисами, представлявшие скорее сентиментальное кокетничанье со старым суеверием, чем серьезное дело, теперь превращались в торжественное лицедейство, разыгрываемое партией порядка уже не в качестве любительского спектакля, как это было до сих пор, а па публичной сцене. Курьеры то и дело носились из Парижа в Венецию, из Венеции в Клермонт, из Клермонта в Париж. Граф Шамбор издает манифест, где он, «опираясь на поддержку всех членов своей семьи», заявляет не о своей, а о «национальной» реставрации. Орлеанист Сальванди бросается к ногам Генриха V. Главари легитимистов Берье, Бенуа д'Ази, Сен-Прист отправляются в Клермонт, чтобы уговорить Орлеанов, но не имеют успеха. Сторонники слияния приходят к запоздалому выводу, что интересы обеих фракций буржуазии, обостряясь в форме семейных интересов, интересов двух королевских домов, не делаются от того менее исключаящими друг друга и не ведут к большей уступчивости. Положим, что Генрих V признал бы графа Парижского своим преемником, — а это единственный успех, на который сторонники слияния могли в лучшем случае рассчитывать, — дом Орлеанов не приобрел бы от этого ровно никаких прав, кроме тех, которые ему и без того обеспечивала бездетность Генриха V, но зато он терял все права, приобретенные им в результате июльской революции. Он отрекся бы от своих старинных притязаний, от всех прав, отвоеванных им у старшей линии Бурбонов в почти столетней борьбе, он отказался бы от своей исторической прерогативы, прерогативы современной монархии, в пользу прерогативы, основанной на его родословном древе. Слияние представляло бы, стало быть, не что иное, как добровольное отречение дома Орлеанов, отказ его от своих прав в пользу легитимизма, покаянное обращение из одной государственной церкви в другую, из протестантизма в католицизм, обращение, которое дало бы Орлеанам даже не утраченный трон, а лишь ступеньку трона, на которой они родились. Старые орлеанистские министры, Гизо, Дюшатель и другие, которые также устремились в Клермонт, чтобы заранее подготовить слияние, были на деле лишь выразителями похмелья после июльской революции, разочарования в буржуазной монархии и монархии буржуа, суеверного преклонения перед легитимностью как последним талисманом, предохраняющим

от анархии. Воображая себя посредниками между Орлеанами и Бурбонами, они в действительности были не более как отступниками-орлеанистами, и как таковых их принял принц Жуанвиль. Зато жизнеспособная, воинствующая часть орлеанистов, Тьер, Баз и другие тем легче убедили семью Луи-Филиппа в том, что — раз всякая непосредственная монархическая реставрация предполагает слияние обеих династий, а всякое такое слияние предполагает отречение дома Орлеанов от своих прав, — то вполне соответствует ее семейным традициям временно признать республику и ждать, пока события позволят превратить президентское кресло в трон. Сначала распространили слух о кандидатуре Жуанвиля в президенты республики, любопытство публики было возбуждено, а несколько месяцев спустя, в сентябре, когда пересмотр конституции был отвергнут, эта кандидатура была провозглашена открыто.

Таким образом, попытка роялистского слияния орлеанистов и легитимистов не только потерпела крушение — она разрушила их парламентское слияние, республиканскую форму их объединения, и снова привела к разложению партии порядка на ее первоначальные составные элементы. Однако, чем более росло отчуждение между Клэрмонтом и Венецией, чем больше рушилось их согласие и усиливалась агитация в пользу Жуанвиля, тем усерднее велись и тем серьезнее становились переговоры между Фоше, министром Бонапарта, и легитимистами.

Разложение партии порядка не ограничилось распадом ее на основные элементы. Каждая из обеих больших фракций в свою очередь разлагалась дальше. Казалось, будто все старые оттенки, которые некогда боролись между собой и отгоняли друг друга внутри каждого из обоих лагерей, как легитимистского, так и орлеанистского, снова ожили, подобно засохшим инфузориям, которые пришли в соприкосновение с водой; казалось, они снова получили достаточный приток жизненной энергии, чтобы образовать отдельные группы с самостоятельными противоположными интересами. Легитимисты переносились воображением назад, ко времени споров между Тюильрийским дворцом и Марсанским павильоном, между Виллелем и Полиньяком. Орлеанисты снова переживали золотое время турниров между Гизо, Моле, Брольи, Тьером и Одилоном Барро.

Часть партии порядка, стоявшая за пересмотр конституции, но опять-таки расходившаяся во взглядах на пределы пересмотра, состоявшая из легитимистов под предводительством Берье и Фаллу, с одной стороны, Ларошжаклена, с другой, и из утомленных борьбой орлеанистов под предводительством Моле, Брольи, Монталамбера и Одилон Барро, сошлась с бонапартистскими депутатами на следующем неопределенном и многообъемлющем предложении: «Нижеподписавшиеся депутаты, ставя себе целью возвратить нации возможность полного осуществления ее суверенитета, вносят предложение подвергнуть конституцию пересмотру».

Но в то же время эти депутаты через своего докладчика Токвиля единогласно заявили, что Национальное собрание не имеет права внести предложение об упразднении республики, что это право принадлежит только палате, созванной для пересмотра конституции. Кроме того, конституция, заявляли они, может быть пересмотрена лишь на «законном» основании, т. е. если за пересмотр будут поданы предписанные конституцией три четверти всех голосов. После шестидневных бурных прений 19 июля пересмотр, как и следовало ожидать, был отвергнут. За пересмотр голосовали 446, против — 278 депутатов. Крайние орлеанисты, Тьер, Шангарнье и другие, голосовали заодно с республиканцами и Горой.

Таким образом, большинство парламента высказалось против конституции, а сама конституция высказалась за меньшинство, за обязательность его решения. Но разве партия порядка и 31 мая 1850 г. и 13 июня 1849 г. не поставила парламентское большинство выше конституции? Разве вся ее прежняя политика не покоилась на подчинении статей конституции решениям парламентского большинства? Разве она не предоставила ветхозаветное суеверное отношение к букве закона демократам, разве она не наказала демократов за это суеверие? Но в данный момент пересмотр конституции означал не что иное, как продление срока президентской власти, а продление срока конституции означало

не что иное, как низложение Бонапарта. Парламент высказался за Бонапарта, но конституция высказалась против парламента. Стало быть, Бонапарт действовал в духе парламента, разрывая конституцию, и действовал в духе конституции, разгоняя парламента.

Парламент объявил конституцию, а вместе с ней свое собственное господство «вне большинства»; своим решением он отменял конституцию, продлевал срок власти президента и вместе с тем объявлял, что ни конституция не может умереть, ни президентская власть не может жить, пока сам парламента продолжает существовать. Его будущие могильщики стояли у дверей. В то время как парламента был занят прениями по вопросу о пересмотре конституции, Бонапарт отстранил обнаружившего нерешительность генерала Бараге д'Илье от должности командующего первой армейской дивизией и назначил на его место генерала Маньяна, победителя Лиона, героя декабрьских дней, одного из своих ставленников, более или менее скомпрометировавшего себя как его сторонник еще при Луи-Филиппе в связи с булонской экспедицией.

Своим решением относительно пересмотра конституции партия порядка показала, что она не в состоянии ни властвовать, ни подчиняться, ни жить, ни умереть, ни примириться с республикой, ни ниспровергнуть ее, ни сохранить конституцию в неприкосновенности, ни упразднить ее, ни сотрудничать с президентом, ни пойти на разрыв с ним. От кого же ожидала она разрешения всех противоречий? От календаря, от хода событий. Она перестала приписывать себе власть над событиями. Этим самым она отдавала себя во власть событий, т. е. во власть той силы, которой она в своей борьбе с народом уступала один атрибут власти за другим, пока она не оказалась сама перед нею лишенной всякой власти. А чтобы дать возможность главе исполнительной власти более беспрепятственно обдумать план борьбы против нее, усилить свои средства нападения, выбрать свои орудия, укрепить свои позиции, партия порядка в этот критический момент решила сойти со сцены и прервать заседания на три месяца, с 10 августа до 4 ноября.

Мало того, что парламентарская партия распалась на свои две большие фракции, мало того, что каждая из этих фракций, в свою очередь, также распалась — партия порядка в парламенте разошлась с партией порядка вне парламента. Ораторы и писатели буржуазии, ее трибуна и пресса, — словом, идеологи буржуазии и сама буржуазия, представители и представляемые, стали друг другу чуждыми, перестали понимать друг друга.

Легитимисты в провинции с их ограниченным кругозором и безграничным энтузиазмом обвиняли своих парламентарских вождей, Берье и Фаллу, в том, что они дезертировали в бонапартистский лагерь и изменили Генриху V. Их девственный, как лилии Бурбонов, рассудок верил в грехопадение, но не в дипломатию.

Гораздо более роковым и решительным был разрыв торговой буржуазии с ее политиками. В то время как легитимисты упрекали своих политиков в измене принципу, торговая буржуазия, наоборот, упрекала своих в вечности принципам, ставшим бесполезными.

Я уже раньше указывал, что со времени вступления Фульда в министерство та часть торговой буржуазии, которая при Луи-Филиппе пользовалась львиной долей власти, финансовая аристократия, стала бонапартистской. Фульд не только защищал на бирже интересы Бонапарта, — он защищал перед Бонапартом интересы биржи. Позицию финансовой аристократии лучше всего характеризует выдержка из ее европейского органа, лондонского «Economist». В номере от 1 февраля 1851 г. этот журнал помещает следующую корреспонденцию из Парижа: «Теперь со всех сторон поступают заявления, что Франция прежде всего требует спокойствия. Президент заявляет об этом в своем послании Законодательному собранию, то же самое отзывается эхом с национальной ораторской трибуны, о том же твердят газеты, то же провозглашается с церковной кафедры, то же самое доказывается чувствительностью государственных бумаг к малейшей опасности нарушения спокойствия, их устойчивостью при каждой победе исполнительной власти».

В номере от 29 ноября 1851 г. «Economist» заявляет от своего собственного имени: «На всех европейских биржах президент теперь признан стражем порядка».

Финансовая аристократия, стало быть, осуждала парламентскую борьбу партии порядка с исполнительной властью как нарушение порядка и приветствовала каждую победу президента над ее, казалось бы, собственными представителями как победу порядка. При этом под финансовой аристократией здесь следует понимать не только крупных посредников по выпуску займов и спекулянтов государственными бумагами, интересы которых по вполне понятным причинам совпадают с интересами государственной власти. Все современное денежное дело, все банковское хозяйство теснейшим образом связано с государственным кредитом. Часть банковского капитала по необходимости вкладывается в легко реализуемые государственные процентные бумаги. Банковские вклады, капиталы, предоставляемые банкам и распределяемые ими между купцами и промышленниками, частично имеют своим источником дивиденды государственных кредиторов. Если во все времена устойчивость государственной власти представляла ветхозаветную святыню для всего денежного рынка и жрецов этого рынка, как же иначе могло быть теперь, когда всякий потоп угрожает снести с лица земли вместе со старыми государствами также и старые государственные долги?

Промышленная буржуазия, фанатично жаждущая порядка, тоже была раздражена распрями парламентской партии порядка с исполнительной властью. Тьер, Англас, Сент-Бёв и другие после голосования 18 января в связи с отставкой Шангарнье получили от своих избирателей, притом как раз из промышленных округов, публичный выговор, в котором их союз с Горой особенно клеймился как измена делу порядка. Если, как мы видели, хвастливое поддразнивание, мелочные интриги, к которым сводилась борьба партии порядка с президентом, и не заслуживали лучшего приема, то, с другой стороны, эта часть буржуазии, требовавшая от своих представителей безропотной передачи военной силы из рук своего собственного парламента в руки претендента-авантюриста, не стоила даже тех интриг, которые пускались в ход в ее интересах. Она показала, что борьба за ее общественные интересы, за ее собственные классовые интересы, за ее политическую власть, являясь помехой для ее частных делишек, лишь тяготит и раздражает ее.

Буржуазная знать департаментских городов, муниципальные советники, члены коммерческих судов и т. п. везде почти без исключения встречали Бонапарта во время его поездок самым холопским образом — даже в Дижоне, где он беспощадно напал на Национальное собрание и в особенности на партию порядка.

Пока торговля шла хорошо, — как это было еще в начале 1851 г., — торговая буржуазия неистовствовала против всякой парламентской борьбы, опасаясь, как бы торговля от этого не пострадала. Когда торговля шла плохо, — а это стало постоянным явлением с конца февраля 1851 г., — торговая буржуазия жаловалась на парламентскую борьбу как на причину застоя и требовала ее прекращения в интересах оживления торговли. Прения по поводу пересмотра конституции происходили как раз в это плохое время. Так как тут дело шло о жизни и смерти существующего государственного порядка, то буржуазия считала себя тем более вправе требовать от своих представителей прекращения этого мучительного переходного состояния и вместе с тем сохранения существующего порядка вещей. В этом не было никакого противоречия. Под прекращением переходного состояния она понимала именно его продление, откладывание окончательного решения в долгий ящик. Существующий порядок вещей можно было сохранить лишь двояким путем: путем продления полномочий Бонапарта или путем его ухода, в соответствии с конституцией, и избрания Кавеньяка. Часть буржуазии склонялась к последнему решению, но не могла посоветовать своим представителям ничего лучшего, как молчать и не затрагивать этого жгучего вопроса. Она воображала, что если ее представители не будут говорить, то Бонапарт не будет действовать. Она хотела иметь парламент страусов, прячущих голову, чтобы оставаться незамеченными. Другая часть буржуазии хотела оставить Бонапарта на президентском кресле, раз уж он его занимал, для того чтобы все осталось по-старому. Она возмущалась тем, что ее парламент не желает открыто нарушить конституцию и без церемоний отречься от власти.

Департаментские генеральные советы — это провинциальное представительство

крупной буржуазии, — заседавшие во время каникул Национального собрания, с 25 августа, почти единогласно высказались за пересмотр конституции, т. е. против парламента и за Бонапарта.

Еще более недвусмысленно, чем разрыв со своими парламентскими представителями, буржуазия продемонстрировала свое негодование по адресу своих литературных представителей и своей собственной прессы. Не только Франция — вся Европа поражалась непомерным денежным штрафам и постыдным приговорам к тюремному заключению, какими буржуазные суды карали всякое нападение буржуазных журналистов на узурпаторские вождения Бонапарта, всякую попытку печати защитить политические права буржуазии от посягательств исполнительной власти.

Если, как я показал, парламентская партия порядка своими криками о необходимости спокойствия сама себя отправила на покой; если она, уничтожая собственной рукой в борьбе с другими общественными классами все условия своего собственного режима, парламентарного режима, объявляла политическое господство буржуазии несовместимым с безопасностью и существованием буржуазии, то внепарламентская масса буржуазии своим холопским отношением к президенту, поношением парламента, зверским обращением с собственной прессой вызывала Бонапарта на подавление, на уничтожение ее говорящей и пишущей части, ее политиков и литераторов, ее ораторской трибуны и прессы — и все это для того, чтобы она могла спокойно заниматься своими частными делами под покровительством сильного и неограниченного правительства. Она недвусмысленно заявляла, что страстно желает избавиться от собственного политического господства, чтобы избавиться от сопряженных с господством трудов и опасностей.

И эта внепарламентская буржуазия, которая возмущалась даже чисто парламентской и литературной борьбой за господство ее собственного класса и которая изменила вождям, возглавившим эту борьбу, — эта буржуазия смеет теперь задним числом обвинять пролетариат в том, что он не вступил за нее в кровавую борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть! Буржуазия, которая каждую минуту жертвовала своими общеклассовыми, т. е. своими политическими интересами для самых узких, самых грязных частных интересов и требовала такой же жертвы от своих представителей, теперь вопит о том, что пролетариат принес ее идеальные политические интересы в жертву своим материальным интересам. Она корчит из себя прекраснородное создание, непонятое и в решительную минуту покинутое пролетариатом, введенным в заблуждение социалистами. И ее вопли находят отголосок во всем буржуазном мире. Я тут, разумеется, не говорю о немецких мелкотравчатых политиканах и недоучках. Я имею в виду, например, тот же журнал «Economist», который еще 29 ноября 1851 г., то есть за четыре дня до государственного переворота, объявлял Бонапарта «стражем порядка», а Тьеров и Берье — «анархистами», и который уже 27 декабря 1851 г., после того как Бонапарт утихомирив этих «анархистов», кричит, что «невежественные, невоспитанные, тупые пролетарские массы» совершили предательство по отношению к «дарованиям, знаниям, дисциплине, духовному влиянию, умственным ресурсам и моральному авторитету средних и высших слоев общества». Тупой, невежественной и подлой массой была именно сама буржуазная масса.

Правда, в 1851 г. Франция пережила что-то вроде небольшого торгового кризиса. В конце февраля обнаружилось уменьшение вывоза по сравнению с 1850 г., в марте упала торговля и стали закрываться фабрики, в апреле положение промышленных департаментов казалось таким же отчаянным, как после февральских дней, в мае дела все еще не поправились, еще 28 июня портфель Французского банка огромным ростом вкладов и столь же огромным сокращением учетных операций свидетельствовал о застое в производстве, и только в середине октября дела стали постепенно поправляться. Французская буржуазия объясняла себе этот торговый застой чисто политическими причинами, борьбой между парламентом и исполнительной властью, неустойчивостью временной формы правления, страшной перспективой второго воскресенья мая 1852 года. Я не стану отрицать, что все эти обстоятельства повлияли на упадок некоторых отраслей промышленности в Париже и

департаментах. Но во всяком случае это влияние политической обстановки было лишь местным и незначительным. Это лучше всего доказывается тем, что торговля стала поправляться именно в середине октября, как раз в такой момент, когда политическое положение ухудшилось, политический горизонт покрылся тучами и каждую минуту можно было ожидать удара грома из Елисейского дворца. Французский буржуа, «дарования, знания, проницательность и умственные ресурсы» которого не идут дальше его носа, мог, впрочем, в течение всей лондонской промышленной выставки носом наткнуться на причину своих торговых бед. В то время как во Франции закрывались фабрики, в Англии разразились торговые банкротства. Если во Франции в апреле и мае дошла до апогея промышленная паника, в Англии в апреле и мае достигла апогея торговая паника. Шерстяное производство, шелковая промышленность страдали как во Франции, так и в Англии. Хотя английские хлопчатобумажные фабрики и продолжали работать, но они получали уже не те прибыли, как в 1849 и 1850 годах. Вся разница была лишь в том, что во Франции был промышленный кризис, а в Англии — торговый, что во Франции фабрики останавливались, а в Англии расширяли свое производство, но при менее выгодных условиях, нежели в предыдущие годы, что во Франции наиболее пострадал вывоз, а в Англии — ввоз. Общая причина этого, которую, разумеется, не следует искать в пределах французского политического горизонта, бросалась в глаза. 1849 и 1850 годы были годами самого высокого материального процветания и перепроизводства, результаты которого обнаружились лишь в 1851 году. Перепроизводство в начале этого года особенно усилилось из-за предстоявшей промышленной выставки. К этому еще присоединились следующие особые обстоятельства: сначала недород хлопка в 1850 и 1851 гг., а потом уверенность в лучшем урожае хлопка, чем того ожидали, сначала подъем, а потом внезапное падение цен на хлопок — словом, колебания этих цен. Сбор шелка-сырца оказался, по крайней мере во Франции, ниже среднего. Наконец, шерстяная промышленность с 1848 г. так выросла, что производство шерсти не могло поспевать за ней, и цены на необработанную шерсть поднялись несоразмерно высоко по отношению к ценам на шерстяные изделия. Итак, мы уже видим в положении с сырьем для трех мировых отраслей промышленности тройное основание для торгового застоя. А помимо этих особых обстоятельств кажущийся кризис 1851 г. представлял не что иное, как заминку, которая постоянно происходит с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил они лихорадочно не пробегут последнюю часть цикла и снова не возвратятся к своей исходной точке, всеобщему торговому кризису. В такие промежутки истории торговли в Англии происходят торговые банкротства, между тем как во Франции приостанавливается сама промышленность — отчасти потому, что она вытесняется со всех рынков конкуренцией англичан, которую она в этом случае уже не в состоянии выдержать, отчасти же потому, что она в качестве промышленности, производящей предметы роскоши, особенно чувствительна ко всякому застою в делах. Таким образом, Франция кроме всеобщих кризисов переживает еще свои собственные, национальные торговые кризисы, которые, однако, гораздо больше определяются и обуславливаются общим состоянием мирового рынка, нежели влиянием местных французских условий. Небезынтересно будет противопоставить предрассудку французского буржуа суждение английского. Одна из крупнейших ливерпульских фирм пишет в своем годовом торговом отчете за 1851 год: «Редкий год более обманывал возглававшиеся на него вначале надежды, чем истекший. Вместо единодушно ожидаемого сильного процветания этот год оказался одним из наиболее обескураживающих за все последнее двадцатипятилетие. Это, разумеется, относится лишь к торговым, а не к промышленным классам. И, однако, в начале этого года было, без сомнения, достаточно данных, чтобы ожидать противоположного: товарных запасов было мало, капиталов — изобилие, съестные припасы были дешевы, можно было надеяться на богатый урожай, ничем не нарушаемый мир на континенте и никаких политических или финансовых затруднений в самой стране, — в самом деле, казалось, торговля могла распустить крылья шире, чем когда-либо... Чему же приписать этот неблагоприятный результат? Мы думаем — чрезмерному

росту торговли как предметами ввоза, так и предметами вывоза. Если наши купцы сами не введут свою деятельность в более тесные границы, то ничто не может удержать нас в равновесии, кроме паники через каждые три года».

Представим себе теперь среди этой торговой паники французского буржуа с его помешанным на коммерции мозгом, который все время терзают, теребят, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, борьба между парламентом и исполнительной властью, распри фрондирующих друг против друга орлеанистов и легитимистов, коммунистические заговоры в Южной Франции, мнимые жакерии в департаментах Ньевр и Шер, рекламы различных кандидатов в президенты, широковещательные лозунги газет, угрозы республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, апостольские послания эмигрировавших героев *in partibus*, предвещающие светопреставление ко второму воскресенью мая 1852 г., — И тогда мы поймем, почему буржуазия, задыхаясь среди этого неопишемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, обезумев, кричит своей парламентарной республике: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!».

Бонапарт понял этот крик. Его понятливость усиливалась растущим нетерпением кредиторов, которым казалось, что с каждым заходом солнца, приближавшим последний день президентства, второе воскресенье мая 1852 г., движение небесных светил опротестовывает их земные векселя. Они стали настоящими астрологами. Национальное собрание лишило Бонапарта надежды на конституционное продление его власти; кандидатура принца Жуанвиля не допускала дальнейших колебаний.

Если когда-либо событие еще задолго до своего наступления отбрасывало вперед свою тень, так это был государственный переворот Бонапарта. Уже 29 января 1849 г., всего лишь через месяц после своего избрания, Бонапарт сделал Шангарнье предложение в этом смысле. Его собственный премьер-министр Одилон Барро летом 1849 г. в завуалированной форме, а Тьер зимой 1850 г. открыто говорили о политике государственного переворота. В мае 1851 г. Персиньи еще раз попытался заручиться поддержкой Шангарнье в пользу переворота, а «*Messenger de l'Assemblée*» предал эти переговоры гласности. Бонапартистские газеты при каждой парламентской буре угрожали государственным переворотом; и чем ближе надвигался кризис, тем смелее становился их тон. На оргиях, которые Бонапарт устраивал каждую ночь с фешенебельными мошенниками мужского и женского пола, всякий раз как только приближался полуночный час и обильные возлияния развязывали языки и воспаляли фантазию, государственный переворот назначался на следующее утро. Сабли вынимались из ножен, стаканы звенели, депутатов выбрасывали из окон, императорская мантия падала на плечи Бонапарта, пока наступающее утро не разгоняло призраков и изумленный Париж не узнавал от невоздержанных весталок и нескромных паладинов об опасности, которой он еще раз избежал. В сентябре и октябре слухи о *coup d'état* не умолкали ни на минуту. Тень уже покрывалась красками, как цветной дагерротип. Стоит только перелистать европейские газеты за сентябрь и октябрь, чтобы найти в них сообщения буквально такого содержания: «Слухи о государственном перевороте наполняют Париж. Говорят, что столица ночью будет занята войсками, а на утро появятся декреты, распускающие Национальное собрание, объявляющие департамент Сены на осадном положении, восстанавливающие всеобщее избирательное право, апеллирующее к народу. Говорят, что Бонапарт ищет министров для проведения этих незаконных декретов». Эти сообщения неизменно кончаются роковым: «Отложено». Государственный переворот всегда был навязчивой идеей Бонапарта. С этой идеей он вернулся во Францию. Он был настолько одержим ею, что постоянно выдавал, выбалтывал ее. Он был настолько слаб, что столь же постоянно отказывался от своей идеи. Парижане столь привыкли относиться к тени этого государственного переворота как к призраку, что не хотели верить в него, когда он, наконец, появился во плоти и крови. Таким образом, государственный переворот удался вовсе не потому, что шеф Общества 10 декабря придерживался строгой конспирации и Национальное

собрание было застигнуто врасплох. Если он и удался, то это произошло вопреки болтливости Бонапарта и при полной осведомленности Собрания как необходимый, неизбежный результат предшествовавшего хода событий.

10 октября Бонапарт заявил министрам о своем решении восстановить всеобщее избирательное право, 16 октября министры подали в отставку, 26 октября Париж узнал об образовании министерства Ториньи. В то же время префект полиции Карлье был замещен Мопа, а начальник первой армейской дивизии Маньян стянул в столицу самые надежные полки. 4 ноября Национальное собрание возобновило свои заседания. Собранию ничего больше не оставалось делать, как повторить пройденный курс по краткому, сжатоному конспекту и констатировать, что его похоронили только после того, как оно умерло.

Первой позицией, потерянной Собранием в борьбе с исполнительной властью, было министерство. Ему пришлось торжественно расписаться в этой потере полным признанием чисто фиктивного министерства Ториньи. Постоянная комиссия встретила смехом г-на Жиро, который представился ей от имени нового кабинета. Такое слабое министерство для такой сильной меры, как восстановление всеобщего избирательного права! Но все сводилось именно к тому, чтобы ничего не делать посредством парламента и делать все наперекор парламенту.

В самый день своего открытия Национальное собрание получило послание Бонапарта, в котором он требовал восстановления всеобщего избирательного права и отмены закона 31 мая 1850 года. В тот же день его министры внесли декрет в этом смысле. Собрание немедленно отвергло предложение министров о неотложности декрета, а самый закон оно отвергло 13 ноября 355 голосами против 348. Таким образом, оно еще раз разорвало свой мандат, лишней раз подтвердив, что оно из свободно выбранного представительства народа превратилось в узурпаторский парламент одного класса, еще раз признало, что оно само разрезало мышцы, соединявшие парламентскую голову с телом нации.

Если исполнительная власть своим предложением восстановить всеобщее избирательное право апеллировала от Национального собрания к народу, то законодательная власть своим законопроектом квесторов апеллировала от народа к армии. Этим законопроектом Национальное собрание имело в виду твердо установить свое право на непосредственный вызов войск, на создание парламентской армии. Назначая, таким образом, армию третейским судьей между собой и народом, между собой и Бонапартом, признавая армию решающей силой в государстве, Национальное собрание, с другой стороны, должно было подтвердить, что оно давно уже отказалось от претензии на господство над этой силой. Делая предметом прений свое право вызывать войска, вместо того чтобы вызвать их немедленно, оно обнаружило сомнение в своей собственной силе. Отвергнув законопроект квесторов, оно открыто призналось в своей бессилии. Этот законопроект провалился, собрав меньшинство в 108 голосов: Гора решила его судьбу. Гора находилась в положении буриданова осла с той разницей, впрочем, что ей приходилось выбирать не между двумя охапками сена, решая, какая из них привлекательнее, а между двумя видами колотушек, решая, какая из них будет чувствительнее. С одной стороны, страх перед Шангарнье, с другой — страх перед Бонапартом: положение, признаться, было отнюдь не героическое.

18 ноября к предложенному самой партией порядку закону о коммунальных выборах была внесена поправка, согласно которой от коммунальных избирателей требовалось вместо трехлетнего всего годичное проживание на месте выборов. Эта поправка была провалена большинством в один-единственный голос, но и этот голос, как немедленно обнаружилось, был ошибочно зачтен. Распавшись на враждебные фракции, партия порядка давно уже потеряла свое самостоятельное парламентское большинство. Теперь она показала, что в парламенте вообще не было уже никакого большинства. Национальное собрание утратило способность принимать решения. Составляющие его атомы не были более связаны никакой силой сцепления, оно испустило последний дух, оно было мертво.

Наконец, внепарламентской массе буржуазии за несколько дней до катастрофы еще раз пришлось торжественно засвидетельствовать свой разрыв с парламентской буржуазией.

Тьер, который в качестве парламентского героя особенно сильно страдал неизлечимой болезнью парламентского кретинизма, после смерти парламента придумал новую парламентскую интригу с Государственным советом — закон об ответственности, имевший целью прочно удержать президента в рамках конституции. Подобно тому как 15 сентября по случаю закладки нового крытого рынка в Париже, Бонапарт очаровал рыночных дам, рыбных торговков, не хуже Мазаньелло — правда, одна рыбная торговка по реальной силе равнялась семнадцати бургграфам, — подобно тому как после внесения законопроекта квесторов он привел в восторг угощаемых им в Елисейском дворце лейтенантов, — Бонапарт теперь, 25 ноября, увлек за собой промышленную буржуазию, собравшуюся в цирке, чтобы из его рук получить медали за лондонскую промышленную выставку. Заимствую характерную часть его речи из «Journal des Debats»: «Столь неожиданные успехи дают мне право повторить, какого величия достигла бы Французская республика, если бы ей дано было заботиться о своих реальных интересах и реформировать свои учреждения, вместо того чтобы непрерывно терпеть ущерб от беспокойств, причиняемых, с одной стороны, демагогами, а с другой — монархическими галлюцинациями. (Громкие, бурные и продолжительные аплодисменты со всех сторон амфитеатра.) Монархические галлюцинации мешают всякому прогрессу и всем серьезным отраслям промышленности. Вместо прогресса — только борьба. Мы видим, как люди, бывшие прежде ревностнейшими защитниками королевской власти и королевских прерогатив, действуют в духе Конвента, лишь бы ослабить власть, возникшую из всеобщего избирательного права. (Громкие и продолжительные аплодисменты.) Мы видим, как люди, больше всего потерпевшие от революции и больше всего жаловавшиеся на нее, провоцируют новую революцию, и все это лишь для того, чтобы сковать волю нации... Я вам обещаю спокойствие на будущее время» и пр. и пр. (Возгласы: «Браво, браво», бурные крики: «Браво».)

Так промышленная буржуазия холопски рукоплещет государственному перевороту 2 декабря, уничтожению парламента, гибели своего собственного господства, диктатуре Бонапарта. Грому рукоплесканий 25 ноября отвечал пушечный гром 4 декабря, и дом г-на Салландруза, старательнее всех бившего в ладоши, оказался особенно старательно разбит снарядами.

Кромвель при роспуске Долгого парламента явился один в зал заседаний, вынул часы, дабы не дать парламенту просуществовать ни одной минуты доле назначенного им срока, и выпроваживал каждого члена парламента веселыми юмористическими насмешками. Наполеон, более мелкий, чем его прототип, все же отправился 18 брюмера в Законодательный корпус и прочел ему — правда, прерывающимся голосом — его смертный приговор. Второй Бонапарт, который к тому же имел в своем распоряжении исполнительную власть совершенно иного рода, чем Кромвель или Наполеон, искал себе образец не в летописях всемирной истории, а в летописях Общества 10 декабря, в летописях уголовного суда. Он украл у Французского банка 25 миллионов франков, купил генерала Маньяна за один миллион, солдат — по 15 франков за штуку, с водкой в придачу, тайно, как ночной вор, встретился со своими сообщниками, приказал ворваться в жилища наиболее опасных парламентских главарей, вытащить из постели и увезти в тюрьму Кавеньяка, Ламорисьера, Леффо, Шангарнье, Шарраса, Тьера, База и др., занять войсками главные пункты Парижа и здание парламента и рано утром расклеить по всей столице рекламные плакаты, извещавшие о роспуске Национального собрания и Государственного совета, о восстановлении всеобщего избирательного права и об объявлении департамента Сены на осадном положении. А немного спустя он поместил в «Moniteur» подложный документ о том, будто вокруг него сгруппировался ряд влиятельных парламентских деятелей, составивших некий чрезвычайный Государственный совет.

Остатки парламента, главным образом легитимисты и орлеанисты, собравшись в здании мэрии десятого округа, вопиют при многократных криках: «Да здравствует республика!», смещение Бонапарта, тщетно зывают к собравшейся перед зданием толпе зевак, пока их, наконец, не уведут под конвоем африканских стрелков сначала в казарму

Орсе, а оттуда, посадив в арестантские кареты, не перевозят в тюрьму Мазас и тюрьмы в Аме и Венсенне. Таков был конец партии порядка, Законодательного собрания и февральской революции.

Прежде чем перейти к заключению, набросаем краткую схему истории февральской революции.

Первый период. От 24 февраля до 4 мая 1848 года. Февральский период. Пролог. Комедия всеобщего братания.

Второй период. Период учреждения республики и Учредительного национального собрания.

От 4 мая до 25 июня 1848 года. Борьба всех классов против пролетариата. Поражение пролетариата в июньские дни.

От 25 июня до 10 декабря 1848 года. Диктатура чистых буржуазных республиканцев. Выработка конституции. Объявление Парижа на осадном положении. Устранение буржуазной диктатуры избранием Бонапарта в президенты 10 декабря.

От 20 декабря 1848 до 28 мая 1849 года. Борьба Учредительного собрания с Бонапартом и с соединившейся с ним партией порядка. Гибель Учредительного собрания. Поражение республиканской буржуазии.

Третий период. Период конституционной республики и Законодательного национального собрания.

От 28 мая 1849 до 13 июня 1849 года. Борьба мелкой буржуазии с буржуазией и Бонапартом. Поражение мелкобуржуазной демократии.

От 13 июня 1849 до 31 мая 1850 года. Парламентская диктатура партии порядка. Последняя завершает свое господство отменой всеобщего избирательного права, но теряет парламентское министерство.

От 31 мая 1850 до 2 декабря 1851 года. Борьба между парламентской буржуазией и Бонапартом.

От 31 мая 1850 до 12 января 1851 года. Парламент теряет главное командование армией.

От 12 января до 11 апреля 1851 года. Парламент терпит поражение в своих попытках снова подчинить себе административную власть. Партия порядка теряет самостоятельное парламентское большинство. Ее коалиция с республиканцами и Горой.

От 11 апреля до 9 октября 1851 года. Попытки пересмотра, слияния, продления полномочий. Партия порядка разлагается на свои отдельные составные части. Окончательный разрыв буржуазного парламента и буржуазной прессы с массой буржуазии.

От 9 октября до 2 декабря 1851 года. Открытый разрыв между парламентом и исполнительной властью. Парламент умирает, он пал, покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами. Гибель парламентарного режима и господства буржуазии. Победа Бонапарта. Пародия реставрации Империи.

Часть VII

Социальная республика явилась как фраза, как пророчество на пороге февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была задушена в крови парижского пролетариата, по в виде призрака она выступает в следующих актах драмы. На сцене появляется демократическая республика. Она исчезает 13 июня 1849 г. вместе со своими разбежавшимися мелкими буржуа, но, убегая, она разбрасывает за собой сугубо крикливые рекламы. Парламентарная республика вместе с буржуазией завладевает всей сценой, развертывается во всю ширь, но 2 декабря 1851 г. хоронит ее под крики ужаса объединенных роялистов: «Да здравствует республика!»

Французская буржуазия противилась господству трудящегося пролетариата — она доставила власть люмпен-пролетариату с шефом Общества 10 декабря во главе. Буржуазия

не давала Франции прийти в себя от страха перед грядущими ужасами красной анархии — Бонапарт дисконтировал ей это грядущее, когда воодушевленная водкой армия порядка, по его приказанию, 4 декабря расстреливала стоявших у своих окон именитых буржуа бульвара Монмартр и Итальянского бульвара. Она обоготворила саблю — сабля господствует над ней. Она уничтожила революционную печать — ее собственная печать уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции — ее салоны находятся под полицейским надзором. Она распустила демократическую национальную гвардию — ее собственная национальная гвардия распущена. Она ввела осадное положение — осадное положение введено по отношению к ней. Она заменила суды присяжных военными комиссиями — ее суды присяжных заменены военными комиссиями. Она отдала народную школу во власть попам — попы властвуют над ее собственной школой. Она ссылала без суда — ее ссылают без суда. Она подавляла всякое движение общества с помощью государственной власти — государственная власть подавляет всякое движение ее общества. Она бунтовала против своих собственных политиков и писателей из пристрастия к своему денежному мешку — ее политики и писатели устранены, но ее денежный мешок подвергается грабежу, после того как ей заткнули рот и сломали ее перо. Буржуазия неумоимо кричала революции, как святой Арсений христианам: «Fuge, tace, quiesce! Беги, умолкни, успокойся!», — Бонапарт кричит буржуазии: «Fuge, tace, quiesce! Беги, умолкни, успокойся!».

Французская буржуазия давно разрешила дилемму Наполеона: «Dans cinquante ans, l'Europe sera republicaine ou cosaque». Она ее разрешила в виде «republique cosaque». Не нужно было злых чар Цирцеи, чтобы превратить шедевр буржуазной республики в безобразное чудовище. Эта республика не потеряла ничего, кроме внешних приличий. Сегодняшняя Франция заключалась в готовом виде в парламентарной республике. Достаточно было одного укола штыком, чтобы пузырь лопнул и чудовище предстало взорам.

Почему парижский пролетариат не восстал после 2 декабря? Ниспровержение буржуазии было пока только декретировано, декрет еще не был приведен в исполнение. Всякое серьезное восстание пролетариата немедленно снова оживило бы буржуазию, примирило бы ее с армией и уготовило бы рабочим второе июньское поражение.

4 декабря буржуа и лавочники подстрекали пролетариат к борьбе. Вечером того же дня несколько легионов национальной гвардии обещали явиться на поле битвы с оружием и в мундирах. Дело в том, что буржуа и лавочники узнали, что Бонапарт в одном из своих декретов от 2 декабря отменил тайное голосование и приказывал им писать свои «да» или «нет» в официальных списках избирателей рядом с их именами. Сопротивление 4 декабря напугало Бонапарта. Ночью, по его приказанию, на всех перекрестках Парижа были расклеены плакаты, объявлявшие о восстановлении тайного голосования. Буржуа и лавочники решили, что добились своей цели. На следующее утро остались дома именно лавочники и буржуа.

В ночь с 1 на 2 декабря Бонапарт внезапным нападением лишил парижский пролетариат его вождей, командиров баррикад. Представляя собой армию без офицеров, не имея ни малейшей охоты после памятных июньских дней 1848 и 1849 гг. и майских дней 1850 г. бороться под знаменем Горы, пролетариат предоставил своему авангарду, тайным обществам, спасти повстанческую честь Парижа, честь, которую буржуазия оставила на произвол солдатни до того безропотно, что Бонапарт мог впоследствии разоружить национальную гвардию с язвительной мотивировкой: он опасается, как бы анархисты не злоупотребили ее оружием против неё самой!

«C'est le triomphe complet et définitif du socialisme!» — так характеризовал Гизо переворот 2 декабря. Но если ниспровержение парламентарной республики в зародыше заключает в себе торжество революции пролетариата, то его ближайшим осязательным результатом была победа Бонапарта над парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силой фразы. В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Перед лицом исполнительной власти она отрекается от всякой

собственной воли и подчиняется велению чужой воли, авторитету. Исполнительная власть в противоположность законодательной выражает гетерономию нации в противоположность ее автономии. Таким образом, Франция избавилась от деспотизма целого класса как будто лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму одного индивида, и притом авторитету индивида, не имеющего никакого авторитета. Борьба, казалось, кончилась тем, что все классы одинаково бессильно и одинаково безгласно преклонились перед ружейным прикладом.

Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2 декабря 1851 г. она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет торжествуя: Ты хорошо роешь, старый крот!

Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять. Сеньориальные привилегии земельных собственников и городов превратились в столь же многочисленные атрибуты государственной власти, феодальные сановники — в получающих жалованье чиновников, а пестрая, как набор образчиков, карта перекрещивающихся средневековых суверенных прав — в точно установленный план государственной власти, где господствует такое же разделение труда и такая же централизация, как на фабрике. Первая французская революция, поставившая себе задачу уничтожить все местные, территориальные, городские и провинциальные особые власти, чтобы создать гражданское единство нации, должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией, — централизацию, но вместе с тем она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину. Легитимная монархия и Июльская монархия не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда, увеличивавшегося по мере того, как разделение труда внутри буржуазного общества создавало новые группы интересов, следовательно — новые объекты государственного управления. Всякий общий интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, всеобщий интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, — начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции. Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе.

Но при абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне, бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время Реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентарной республике, бюрократия при всем своем стремлении к самовластию была орудием господствующего класса.

Только при втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина настолько укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе шефа Общества 10 декабря, какого-то явившегося с чужбины авантюриста, поднятого на щит пьяной солдатней, которую

он купил водкой и колбасой и которую ему все снова и снова приходится ублажать колбасой. Отсюда малодушное отчаяние, чувство несказанного унижения, позора, которое сдавливает грудь Франции и не дает ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя как бы обещенной.

И тем не менее государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцелльного крестьянства.

Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны — династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинился буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трех лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое осуществление только в перевороте 2 декабря 1851 года.

Парцелльные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцелльными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцелльного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся некто, выдающий себя за этого человека только потому, что он — на основании статьи Code Napoleon: «La recherche de la paternite est interdite» — носит имя Наполеон. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается предсказание и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества.

Но тут мне могут возразить: а крестьянские восстания в доброй половине Франции, а облавы, устраиваемые армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?

Со времени Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические происки».

Но прошу меня понять. Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севеннов, а его современной Вандеи.

Трехлетнее суровое господство парламентарной республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало — правда, пока лишь поверхностно — часть французских крестьян; но каждый раз, как только они приходили в движение, буржуазия силой отбрасывала их назад. При парламентарной республике в сознании французского крестьянина происходила борьба между новыми идеями и традицией; этот процесс протекал в форме непрерывной борьбы школьных учителей против попов — буржуазия умирала учителей. Крестьяне в первый раз делали усилия, чтобы занять самостоятельную позицию по отношению к правительственной деятельности; это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и префектами — буржуазия смещала мэров. Наконец, в различных местностях Франции крестьяне в период парламентарной республики восставали против своего собственного детища, против армии, — буржуазия наказывала их осадным положением и экзекуциями. И эта самая буржуазия вопит теперь о тупости масс, этой *vile multitude*, которая якобы предала ее Бонапарту. Она сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи, она усердно сохраняла положение вещей, образующее ту почву, на которой вырастает эта крестьянская религия. Правда, буржуазия должна одинаково бояться невежества масс, пока они остаются консервативными, и сознательности масс, как только они становятся революционными.

В восстаниях, последовавших за *coup d'etat*, часть французских крестьян с оружием в руках протестовала против своего же собственного вотума от 10 декабря 1848 года. Школа, пройденная ими с 1848 г., научила их уму-разуму. Но они продали свою душу преисподней истории, история их поймала на слове, а большинство их еще было до такой степени сбито с толку, что как раз в самых красных департаментах крестьянское население открыто голосовало за Бонапарта. По их мнению, Национальное собрание мешало Бонапарту что-либо предпринять. Бонапарт только теперь разбил окопы, наложенные городами на волю деревни. Местами крестьяне носились даже с нелепой мыслью поставить рядом с Наполеоном конвент.

После того как первая революция превратила полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников, Наполеон упрочил и урегулировал условия, при которых крестьяне беспрепятственно могли пользоваться только что доставшейся им французской землей и удовлетворить свою юношескую страсть к собственности. Но причина теперешнего оскудения французского крестьянина — это именно его парцелла, раздробление землевладения, форма собственности, упроченная во Франции Наполеоном. Это именно те материальные условия, которые сделали французского феодального крестьянина собственником парцеллы, а Наполеона — императором. Двух поколений было достаточно, чтобы привести к неизбежному результату — к прогрессивному ухудшению земледелия и к прогрессивному увеличению задолженности земледельца. «Наполеоновская» форма собственности, бывшая в начале XIX века условием освобождения и обогащения сельского населения Франции, в течение этого столетия превратилась в закон, утверждающий его рабство и нищету. И этот-то закон и есть первая из «наполеоновских идей», которую приходится отстаивать второму Бонапарту. Если он вместе с крестьянами еще разделяет иллюзию, будто причину крестьянского разорения следует искать не в самой парцелльной

собственности, а вне ее, во влиянии второстепенных обстоятельств, то его эксперименты, как мыльные пузыри, лопнут при соприкосновении с производственными отношениями.

Экономическое развитие parcelльной собственности коренным образом изменило отношение крестьян к остальным общественным классам. При Наполеоне раздробление землевладения на parcelлы в деревне дополняло собой свободную конкуренцию и возникающую крупную промышленность в городах. Крестьянский класс повсеместно являлся протестом против только что низвергнутой земельной аристократии. Корни, пущенные во французскую землю parcelльной собственностью, лишили феодализм всяких питательных соков. Межевые знаки parcelлы представляли собой естественный оплот буржуазии против всякого нападения со стороны ее прежних властелинов. Но в течение XIX века место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей заняли ипотеки, место аристократической земельной собственности занял буржуазный капитал. Parcelла крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому земледельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату. Тяготеющий на французской земле ипотечный долг налагает на французское крестьянство такие проценты, которые равняются сумме ежегодных процентов по всему государственному долгу Англии. Parcelльная собственность, столь поработанная капиталом, — а ее развитие неизбежно ведет к этому поработанию, — превратила большинство французской нации в троглодитов. 16 миллионов крестьян (считая женщин и детей) живут в берлогах, большая часть которых имеет всего одно окошко, остальная же — два, а в самом лучшем случае — три окошка. А окна в доме — то же, что пять органов чувств для головы. Буржуазный строй, который в начале столетия поставил государство стражем при только что возникшей parcelле и удобрял ее лаврами, стал вампиром, высасывающим кровь ее сердца и мозг ее головы и бросающим ее в алхимическую реторту капитала. Code Napoleon представляет собой теперь не более, как кодекс исполнения судебных решений, наложения ареста на имущество и продажи с молотка. Сверх официально числящихся четырех миллионов (считая детей и т. д.) нищих, бродяг, преступников и проституток во Франции существует пять миллионов душ, находящихся на краю гибели и либо живущих в самой деревне, либо непрерывно переключивающихся со своими лохмотьями и детьми из деревни в город и из города в деревню. Словом, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят своего естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок. Но сильное и неограниченное правительство, — и это вторая «наполеоновская идея», которую должен осуществить второй Наполеон, — призвано силой защищать этот «материальный» порядок. И действительно, главным лейтмотивом во всех прокламациях Бонапарта против бунтующих крестьян является этот «ordre materiel».

Кроме ипотечного долга, которым капитал обременяет parcelлу, над ней тяготеет еще налог. Налог — это источник жизни для бюрократии, армии, попов и двора — словом, для всего аппарата исполнительной власти. Сильное правительство и высокий налог — тождественные понятия. Parcelльная собственность по своей природе представляет собой почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии. Она создает одинаковый уровень отношений и лиц на всем протяжении страны. Она делает поэтому возможным равномерное воздействие на все части этой однообразной массы из одного высшего центра. Она уничтожает аристократические промежуточные ступени между народными массами и государственной властью. Она вызывает поэтому всестороннее прямое вмешательство этой государственной власти и проникновение всюду ее непосредственных органов. Она создает, наконец, незанятое избыточное население, не находящее себе места ни в деревне, ни в городе и поэтому хватающееся за государственные должности как за своего рода почетную милостыню, и заставляет увеличивать число государственных должностей. Наполеон с процентами возвращал налагаемый им принудительный налог посредством новых рынков,

которые он открывал штыками, посредством ограбления континента. Наполеоновский налог был стимулом для развития крестьянских промыслов, тогда как теперь налог лишает эти промыслы последних ресурсов, последней возможности сопротивляться обнищанию. А многочисленная расшита галунами и упитанная бюрократия, это — «наполеоновская идея», наиболее близкая сердцу второго Бонапарта. Да и как могло быть иначе, когда Бонапарт вынужден был создать рядом с подлинными классами общества искусственную касту, для которой сохранение его режима — вопрос о хлебе насущном? Вот почему одна из его первых финансовых операций заключалась в повышении пониженных было чиновничьих окладов до прежнего уровня и в создании новых синекур.

Другая «наполеоновская идея» — это господство попов как орудия правительства. Но если только что возникшая парцелла, будучи в гармонии с обществом, находясь в зависимости от сил природы и подчиняясь власти — своей верховной охране, естественно, была религиозна, то кругом задолжавшая, порвавшая с обществом и властью, принужденная выходить за пределы собственной ограниченности парцелла, естественно, становится антирелигиозной. Небо было недурной придачей к только что приобретенному клочку земли, тем более, что оно делает погоду; но небо становится надругательством, лишь только его навязывают взамен парцеллы. Тогда поп уже превращается в миропомазанную ищейку земной полиции — тоже «наполеоновская идея». Экспедиция против Рима в следующий раз будет предпринята в самой Франции, только в направлении Противоположном тому, что думает г-н Монталамбер.

Наконец, кульминационный пункт «наполеоновской идеи» — это преобладающее значение армии. Армия была *point d'honneur* парцелльных крестьян: она из них делала героев, которые защищали от внешних врагов новую собственность, возвеличивали только что приобретенное ими национальное единство, грабили и революционизировали мир. Военный мундир был их собственным парадным костюмом, война — их поэзией, увеличенная и округленная в воображении парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности. Но враги, от которых французскому крестьянину приходится теперь защищать свою собственность, — это не казаки, а судебные приставы и сборщики податей. Парцелла уже не лежит в так называемом отечестве, а заложена в ипотечной книге. Сама армия уже не цвет крестьянской молодежи, а болотный цветок крестьянского люмпен-пролетариата. Она большей частью состоит из подставных рекрутов, из заместителей, подобно тому как второй Бонапарт сам — лишь подставное лицо, заместитель Наполеона. Геройские подвиги она совершает теперь во время облав на крестьян, при исполнении жандармских обязанностей; и если внутренние противоречия системы шефа Общества 10 декабря погонят его за пределы Франции, армия после нескольких бандитских проделок пожнет не лавры, а тумачи.

Итак, мы видим: все «наполеоновские идеи» — это идеи неразвитой, юношески бодрой парцеллы; для отжившей парцеллы они — бессмыслица, не более как галлюцинации ее предсмертной агонии, слова, ставшие фразами, духи, ставшие призраками. Но пародия на империю была необходима для того, чтобы освободить массу французской нации от ига традиции и выявить в чистом виде противоположность между государственной властью и обществом. Вместе с растущей деградацией парцелльной собственности рухнет покоящееся на ней государственное здание. Государственная централизация, в которой нуждается современное общество, может возникнуть лишь на развалинах военно-бюрократической правительственной машины, выкованной в борьбе с феодализмом.

В положении французских крестьян лежит разгадка общих выборов 20 и 21 декабря, возведших второго Бонапарта на гору Синай не для того, чтобы получать, а для того, чтобы издавать законы.

У буржуазии теперь явно не было другого выбора, как голосовать за Бонапарта. Когда поборники строгости нравов на Констанцском соборе жаловались на порочную жизнь пап и вопили о необходимости реформы нравов, кардинал Пьер д'Айи прогремел им в ответ: «Только сам черт может еще спасти католическую церковь, а вы требуете ангелов!». Так и

французская буржуазия кричала после государственного переворота. Только шеф Общества 10 декабря может еще спасти буржуазное общество! Только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, незаконнорожденность — семью, беспорядок — порядок!

Бонапарт в качестве исполнительной власти, ставшей самостоятельной силой, считает себя призванным обеспечить «буржуазный порядок». Сила же этого буржуазного порядка — в среднем классе. Он считает себя поэтому представителем среднего класса и издает соответственные декреты. Но, с другой стороны, он стал кое-чем лишь потому, что сокрушил и ежедневно снова сокрушает политическое могущество этого среднего класса. Он считает себя поэтому противником политической и литературной силы среднего класса. Но, охраняя его материальную силу, он тем самым снова вызывает к жизни его политическое могущество. Поэтому нужно оберегать причину и стирать с лица земли следствие всюду, где оно обнаруживается. Но без некоторого смещения причины со следствием дело обойтись не может, так как причина и следствие во взаимодействии утрачивают свои отличительные признаки. Следуют новые декреты, стирающие пограничную черту. В то же время Бонапарт считает себя в противовес буржуазии представителем крестьян и народа вообще, желающим осчастливить низшие классы народа в пределах буржуазного общества. Следуют новые декреты, авансом плагирующие правительственную мудрость «истинных социалистов». Но Бонапарт чувствует себя прежде всего шефом Общества 10 декабря, представителем люмпен-пролетариата, к которому принадлежат он сам, его приближенные, его правительство и его армия и для которого дело заключается, прежде всего, в том, чтобы жить в свое удовольствие и вытягивать калифорнийские выигрыши из казенного сундука. И он оправдывает свое звание шефа Общества 10 декабря посредством декретов, помимо декретов и вопреки декретам.

Такая полная противоречий миссия этого человека объясняет противоречивые действия его правительства, которое, действуя наугад, ошупью, старается то привлечь, то унижить то тот, то другой класс и одинаково возбуждает против себя все классы, — правительства, практическая неуверенность которого представляет в высшей степени комический контраст с повелительным, категорическим стилем правительственных актов, рабски скопированным с указов дяди.

Промышленность и торговля, т. е. дела среднего класса, должны при сильном правительстве расцвести, как растения в теплицах. Происходит раздача бесчисленного множества железнодорожных концессий. Но бонапартистский люмпен-пролетариат должен обогащаться. Начинается мошенническая игра на бирже лиц, заранее посвященных в тайну железнодорожных концессий. Однако капиталов для железных дорог не оказывается. Банку предписывается ссужать деньги под залог железнодорожных акций. Но банк в то же время должен быть эксплуатируем Бонапартом лично — банк, стало быть, надо обласкать. Банк освобождается от обязательства публиковать еженедельный отчет, он заключает с правительством договор, обеспечивающий ему львиную долю. Народ должен иметь работу. Предпринимаются общественные работы. Но общественные работы увеличивают налоговое бремя народа. Стало быть, надо понизить налоги, наложив руку на доходы рантье путем конверсии 5-процентной ренты в 4 1/2 — процентную. Но буржуазии надо снова подсластить пилюлю; поэтому налог на вино удваивается для народа, покупающего вино *en detail*, и уменьшается вдвое для пьющего *en gros* среднего класса. Существующие рабочие ассоциации распускаются, но зато правительство обещает чудеса с ассоциациями в будущем. Нужно помочь крестьянам. Учреждаются ипотечные банки, усиливающие задолженность крестьян и концентрацию собственности. Но этими банками нужно воспользоваться для того, чтобы выжать деньги из конфискованных имений дома Орлеанов. Ни один капиталист не соглашается, однако, на последнее условие, которого нет в декрете, — и ипотечный банк остается лишь декретом, и т. д. и т. д.

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слышшему во

время Фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что он превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы украсть всю Францию, чтобы подарить ее Франции или, вернее, чтобы снова купить потом Францию на французские деньги, так как в качестве шефа Общества 10 декабря он вынужден покупать то, что ему должно принадлежать. И предметом торговли становятся все государственные учреждения, сенат, Государственный совет, Законодательный корпус, орден Почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, общественные работы, железные дороги, генеральный штаб национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанского дома. Средством подкупа делается всякое место в армии и правительственной машине. Но самое важное в этом процессе, заключающемся в том, что Францию забирают чтобы подарить ее ей же самой, — это проценты, перепадающие во время оборота в карман шефа и членов Общества 10 декабря. Острое словцо графини Л., любовницы г-на де Морни, по поводу конфискации орлеанских имений: «C'est le premier vol de l'aigle» [«Это первый полет орла»] [Слово «vol» означает «полёт» и «воровство». (Примечание Маркса.)], применимо к каждому полету этого орла, похожего больше на ворона. Он и его приверженцы ежедневно сами себе говорят слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно хватить еще на долгие годы жизни: «Tu fai conto sopra i beni, bisongna prima far il conto sopra gli anni» [«Ты считаешь свои богатства, а тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы». (Примечание Маркса.)]. Чтобы не просчитаться в годах, они подсчитывают минуты. Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодчиков, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, пользующаяся дурной славой, хищническая богема, которая напяливает на себя обшитые галунами мундиры с такой же смешной важностью, как сановники Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое Общества 10 декабря, если принять во внимание, что Верон-Кревель [В своем романе «Куэнна Бетта» Бальзак изображает Кревеля списанного с д-ра Верона, владельца газеты «Constitutionnel», как самого распутного парижского филистера. (Примечание Маркса.)] — его блюститель нравов, а Гранье де Кассаньяк — его мыслитель. Гиэо во время своего министерства, пользуясь в одной темной газете этим Гранье как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: «C'est le roi des droles», «Это король шутов». Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с двором времен Регентства или Людовика XV. Ибо «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления альфонсов» [Слова г-жи де Жирарден (Примечание Маркса.)].

Терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заменителю Наполеона, другими словами — совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, посягает на все, что революции 1848 г. казалось неприкосновенным, одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создает настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной. Он устраивает в Париже пародию на культ трирского священного хитона в виде культа наполеоновской императорской мантии. Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны.